

**Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.):
В 4-х томах. — М.: Воениздат МВС СССР, 1948–1949.**

Глава IV.

Операция в районе озера Нароч (18–22 марта 1916 г.)

Соотношение сил и группировка

В феврале 1916 г. на французском фронте германцы начали атаку на Верден, что требовало от русских оказания помощи французам, как это было обусловлено в декабре 1915 г. на конференции в Шантильи. В русской ставке 24–25 февраля 1916 г. состоялось совещание главнокомандующих фронтами для выработки плана наступательных операций.

Верховное русское командование в целях отвлечения на себя германских сил с французского фронта решило провести наступательную операцию в широких размерах левым флангом Северного фронта и правым флангом Западного в районе г. Двинска, оз. Нароч, оз. Вишневецкое (схемы 16 и 19). Главной операции должны были содействовать второстепенные операции Северного фронта со стороны Якобштадта на Поневеж и Западного фронта со стороны Сморгони на Вильно.

Оперативное направление русского наступления не только прикрывало пути на Петроград и на Москву, но при успехе прорыва германского фронта удачное наступление от Двинска, оз. Нароч на Ковно могло отрезать виленскую группу немцев от переправ через р. Неман, а концентрическим ударом по сходящимся направлениям на Поневеж, Свенцяны, Вилькомир (на схеме 16 показан под новым названием — Укмерже) создавалась серьезная угроза сообщениям противника: мог быть опрокинут весь северный участок германского фронта в России.

Соотношение сил складывалось благоприятно для русских, в особенности в отношении живой силы пехоты и конницы, как это видно из нижеследующих данных:

	Северный фронт			Западный фронт		
	русские	германцы	сравнение	русские	германцы	сравнение
Батальонов	363	181	+ 187	917	382	+ 535
Штыков	266 400	159 300	+ 107 100	642 700	336 200	+ 306 500
Эскадронов	263	128	+ 135	526	144	+ 382
Сабель	32 700	19 200	+ 13 500	65 100	21 600	+ 43 500

Но если в отношении числа штыков и сабель русская армия на Северном и Западном фронтах превосходила почти вдвое противостоящую армию противника, то в отношении технических средств, главным образом по числу и могуществу тяжелой артиллерии, германская армия и ко времени мартовской операции 1916 г. оставалась значительно сильнее русской.

На всех русских фронтах к марту 1916 г. насчитывалось лишь 440 полевых тяжелых орудий современного типа калибром не свыше 152 мм; кроме того, имелось 516 тяжелых орудий устаревших систем из крепостей. Даже полевых легких 122-мм гаубиц, которые приходилось применять для разрушения вместо тяжелых, состояло тогда на вооружении лишь 585.

Генерал Алексеев, сообщая генералу Жоффру о бедности русской армии тяжелыми орудиями, заканчивал свое письмо: «...Отсюда понятны те трудности, с которыми приходится иметь дело нашей пехоте при атаке укрепленных позиций противника».

Не богата была в то время русская артиллерия и снарядами как в отношении их наличия, так и в отношении работы снарядной русской промышленности, а именно:

	Снарядов на единицу оружия	
	наличие	готовилось в день
На 76-мм пушку	1270	12
На 122-мм гаубицу	540	5
На тяжелое орудие	685	15 на пушку и 4 на гаубицу

Словом, технические артиллерийские средства, имевшиеся в то время в распоряжении русской армии, далеко не соответствовали поставленной русским командованием грандиозной наступательной задаче прорыва сильно укрепленной позиции противника.

Наконец, климатические условия, с которыми вообще мало считались, не давали на этот раз русскому командованию надежд на удачное выполнение широких замыслов оттеснения германцев за пределы России.

Операцию предполагалось начать тотчас же после завершения войсковых перегруппировок, которые могли закончиться лишь к 18–20 марта. Между тем в районе Двинска и Вильно, представляющем собой лесистые, болотистые низменности с множеством рек и озер, нельзя ожидать успеха от наступления в широких размерах в марте вследствие препятствовавшей этому весенней распутицы. Это было известно командованию, об этом доносили войсковые начальники.

Главкозап генерал Эверт сообщал 13 марта генералу Алексееву, что по предположениям обсерватории и по климатическим данным за прошлые годы можно ожидать весенней распутицы в середине марта, если не раньше, и что тогда район бывает крайне тяжел или вовсе непригоден для военных действий: «большие болотистые пространства становятся непроходимыми, многие озера, выходя из берегов, сливаются вместе в непрерывную цепь, почва растворяется настолько, что передвижение становится почти невозможным».

Но у русского верховного командования не хватало характера отказать в немедленной помощи англо-французам, и оно не решилось отложить операцию. Напротив, стали торопиться начать операцию не позже 18 марта, чтобы оттепель не отодвинула ее на 1 1/2–2 месяца.

Атака началась во 2-й и 1-й армиях 18 марта, а в 5-й армии 21 марта, несмотря на то, что к этому времени еще не было закончено сосредоточение и не вся артиллерия была подтянута к фронту. Для надлежащей подготовки атаки было мало времени, хотя предварительная подготовка фактически началась еще в первых числах марта. Далеко не все необходимые мероприятия, которые должны предшествовать прорыву укрепленной полосы, были полностью осуществлены к началу атаки.

Фактически главный удар наносился на Западном фронте 2-й русской армией, занимавшей десять корпусами участок Медзины — оз. Вишневское протяжением свыше 90 км, из которых до 25 км приходилось на береговую полосу больших озер (схемы 17, 18 и 19).

Согласно директиве Алексеева, на 2-ю армию возлагалась задача: сосредоточить главные силы на флангах и перейти ими в решительное наступление с целью разбить противника, находящегося перед фронтом армии, а затем наступать далее на фронт Свенцяны, Михалишки, Гервяты.

Одновременно вспомогательный удар справа должна была нанести 1-я армия своим левым флангом. Остальные армии Западного фронта должны были сковать противника перед собой и в случае успеха 2-й армии перейти в общее наступление.

Штабу 2-й армии было трудно управлять десятью корпусами, вследствие чего допущена была организация импровизированных групп без наличия особого органа управления в каждой группе, послужившая одной из главных причин провала операции. В боевых операциях следует вообще всемерно избегать импровизации, в особенности при организации управления. Если одному штабу 2-й армии действительно было трудно

совладать с управлением десятью корпусами, то следовало образовать две армии — каждую со всеми органами полевого управления и обеспечения операции, не исключая устройства тыла каждой армии. Генерал Алексеев сознавал дефекты организации управления во 2-й армии, но высказал это генералу Эверту лишь 3 апреля, когда операция фактически уже закончилась полной неудачей.

Организованы были три группы: генерала Плешкова — в составе 1-го, 27-го и 1-го Сибирского корпусов и 7-го кавалерийского корпуса; генерала Балуева — в составе 5-го, 36-го и 3-го Сибирского корпусов с Уральской казачьей дивизией; генерала Сирелиуса — в составе 34-го и 4-го Сибирского корпусов.

Решено было прорвать расположение противника одновременной атакой флангами: на участке Медзяны, Дуки группой генерала Плешкова и на участке в промежутке между озерами Нароч и Вишневецкое группой генерала Балуева. Группа Сирелиуса получила задачу: «демонстрируя энергично» (?) на участке Дуки, оз. Нароч, атакой на участке Черняты, Лотва «сковать противника», находящегося перед фронтом группы (схемы 17, 18 и 19).

Для развития успеха за правым флангом армии был расположен 15-й, а за левым — 35-й корпус, составлявшие резерв главкозапа.

2-я армия была в общем слабо обеспечена артиллерией, в особенности тяжелой. На 10 пехотных корпусов имелось лишь около 1 000 легких орудий, т. е. на 1000 штыков приходилось приблизительно 2 1/2 орудия, тогда как к тому времени уже выяснилась норма — иметь при атаке до 8–10 орудий на 1000 бойцов; тяжелых же орудий, и то не свыше 152-мм калибра, имелось лишь около 150, т. е. ничтожное количество для обширного фронта до 60 км (групп Плешкова и Балуева).

Что же касается плотности на 1 км, то она была достигнута довольно значительная для русского фронта — в среднем до 12–18, а на отдельных участках до 35 орудий разных калибров. Однако плотность эта далеко не достигала нормы, установившейся на англо-французском фронте — до 100 орудий на 1 км, и исчисляемой Эвертом после мартовской операции — до 100–120 орудий на 1 км.

На участке главного удара на Западном фронте были собраны в общем довольно внушительные силы русских, но если бы русское главное командование сосредоточило все усилия только на одном избранном решающем направлении, отказавшись от комбинированного удара с двух фронтов — Северного и Западного и сузив участок главного удара на Западном фронте, то оно могло бы сосредоточить на этом участке в 40–50 км до 40 пехотных и 5 кавалерийских дивизий и до 2 000 орудий, в том числе до 400 тяжелых. При таком почти четырехкратном превосходстве в живых силах и в артиллерии над противником возможно было бы при надлежащей подготовке и своевременном начале операции не только обеспечить успех прорыва укрепленной полосы противника, но и окончательно раздавить его.

В зависимости от задач и условий местности, имевшаяся во 2-й армии артиллерия была распределена между группами следующим образом.

Группа генерала Плешкова

(схема 17)

1-й армейский корпус имел задачу: прорвать расположение противника на фронте Ковальтишки, Вилейты, захватив вторую линию Лодзеи, Ляховичи и тыловую — к северу от Годутишки. Участок главной атаки по фронту около 4 км.

Артиллерия корпуса под начальством инаркора генерала Масальского: 22-я артиллерийская бригада (36 орудий), 1-й дивизион 59-й артиллерийской бригады (18 орудий) и 1-й мортирный дивизион (12 гаубиц), всего: 76-мм пушек — 54 и 122-мм гаубиц — 12. После неудачной атаки 19 марта эту артиллерию усилили, добавив из группы генерала Закутовского две батареи 152-мм гаубиц (7 орудий) и одну батарею 107-мм пушек обр. 1877 г.

1-й Сибирский корпус получил задачу: прорвать противника на фронте Вилейты (искл.), Можейки, направляя главный удар на участок Бучелишки, Можейки. Участок главного удара — около 2,5 км, весь участок — 5,5 км. После прорыва захватить вторую линию обороны Интока, Свилели, Яржево и тыловую — Мольдзевичи, Олься.

Артиллерия корпуса: 1-я и 2-я Сибирские артиллерийские бригады, всего 76-мм пушек — 72.

27-й армейский корпус должен был: после прорыва расположения противника войти в линию между 1-м армейским и 1-м Сибирским корпусами, атакуя участок Годутишки, Мольдзевичи и, далее, наступая правым флангом вдоль железной дороги на Лынтуны.

Артиллерия 27-го корпуса (45-я и 76-я артиллерийские бригады и 27-й мортирный дивизион) была передана в особую артиллерийскую группу генерала Закутовского. Вместо нее 22 марта 27-му корпусу были приданы 6-й и 14-й тяжелые артиллерийские дивизионы, всего 107-мм пушек — 8 и 152-мм гаубиц — 16. Затем, 20 марта, корпусу была возвращена 76-я артиллерийская бригада (36 легких 76-мм пушек).

Артиллерийская группа генерала Закутовского, подчиненная непосредственно генералу Плешкову, получила общую задачу содействовать прорыву, обратив особое, внимание на: а) интенсивный обстрел узлов Ковальтишки, Матишки; Голатыльцы, Вилейки; Микулишки, Бучелишки (общий фронт каждого из этих узлов около 2 км); б) подавление артиллерии противника на участках: Лоси, Лоздзи; западнее Лапинского леса (в направлении Яржево, Олься); Литвинки, Дворочаны, Ананичи и Загач (общее протяжение участков до 16 км); в) фланкирование участков Вилейты, Ковальтишки; Можейки, Новый Двор, Дуки, Ширки (протяжение первого участка 3,5, второго — 9 км); г) образование «достаточного» числа проходов в проволочных заграждениях к пунктам атаки (это неопределенное задание было уточнено 14 марта указанием, чтобы на фронте Бучелишки — Можейки сделать четыре прохода по 40 м); д) подготовку к атаке второй линии обороны противника: Лоздзи, Ляховичи, Интока, Свилели, Яржево (протяжением 7 км); е) непосредственную поддержку атаки 1-й и 2-й неприятельских линий (с выдвинутыми артиллерийскими батареями вперед).

В общем эти довольно неопределенные задания не соответствовали силам артиллерии группы Закутовского и не были достаточно увязаны с обстановкой. Например, предусматривался обстрел «узлов», а о разрушении окопов между ними не упоминалось.

Группа Закутовского имела следующий состав: 76-мм легких пушек — 72 (45-я и 76-я артиллерийские бригады, из них 76-я была возвращена 27-му корпусу, как упоминалось, 20 марта), 107-мм пушек обр. 1877 г. — 12, 122-мм полевых гаубиц — 60, 152-мм пушек в 120 пуд. — 12, 152-мм гаубиц — 32 (из них 20 крепостных).

Артиллерия группы Закутовского была распределена, в свою очередь, на 5 малых групп: 1-я генерала Андреева (45-я артиллерийская бригада) — 36 легких 76-мм пушек; 2-я полковника Макшеева (76-я артиллерийская бригада) — 36 легких 76-мм пушек; 3-я генерала Руктешеля — 12 полевых 122-мм гаубиц, 8 тяжелых 152-мм гаубиц, 12 тяжелых 152-мм пушек в 120 пуд.; 4-я полковника Яковлева — 24 полевые 122-мм гаубицы, 12 тяжелых 152-мм гаубиц, 12 тяжелых 107-мм пушек обр. 1877 г.; 5-я полковника Надеина — 24 полевые 122-мм гаубицы и 12 тяжелых 152-мм гаубиц.

Подготовительные работы по выбору огневых позиций артиллерии и ее расстановке были начаты еще до получения указанных задач, причем генералом Плешковым было приказано давать исполнителям только частные задачи, не разъясняя общей обстановки. Впрочем, и сам Плешков при организации его группы, 27 февраля, не получил от командующего 2-й армией указаний о наступлении.

Генерал Закутовский к разработке задач, поставленных его артиллерийской группе, не привлекался. Состоявший для поручений по артиллерийской части при главкозапе известный в то время артиллерист генерал Беляев, прибывший в район группы Закутовского 4 марта, убедился к своему удивлению в полной неосведомленности

Закутовского о предстоящих действиях. При таких условиях выбор позиций для артиллерии Закутовского не мог быть сделан в соответствии с теми задачами, которые ей были поставлены.

Мало того, задача, ранее поставленная группе Плешкова, была 12 марта несколько изменена. Так:

1-му армейскому корпусу атаковать на фронте Вилейты, Бучелишки, направляя главный удар на участок лес южнее Вилейты, Бучелишки. Общий фронт атаки — около 3,5 км, фронт главного удара — около 2 км.

1-му Сибирскому корпусу атаковать фронт Бучелишки, Можейки, направляя главный удар на участок Бучелишки, северный выступ Лапинского леса (северо-западнее Можейки) и удерживая фронт Можейки, Дуки. Весь фронт атаки — 3,5 км, фронт главного удара — до 2 км.

27-му армейскому корпусу, с приданным ему 6-м и 14-м тяжелыми артиллерийскими дивизионами, вести бой в направлении Постава, на Олься, Оцковичи (в 4 км на юго-запад от Олься).

Артиллерийской группе Закутовского развить наиболее мощный огонь преимущественно по неприятельской позиции Вилейты, Можейки (фронт около 6 км), по артиллерийским группам противника и по тылу его позиции.

Известно, какое отрицательное влияние на успех операции имеет изменение задач. В данном случае первоначальной руководящей идеей Плешкова был разгром укрепленных узлов Голатьльцы, Вилейты, в соответствии с чем ставились задачи и размещалась артиллерия. В действительности же атака велась на район Микулишки, Папин на 2 км южнее, причем на соответственное перемещение артиллерии времени уже не было.

Перед началом операции Плешковым был издан ряд инструкций и наставлений, большинство указаний которых являлось «общими местами» с напоминаниями о необходимости «детальной разработки плана предстоящих действий» и даже с учетом «возможных случайностей боя и противодействия неприятеля», о необходимости заблаговременной организации надежной связи между частями артиллерии Закутовского и связи ее с частями артиллерии всех корпусов, о необходимости «непрерывного и целесообразного взаимодействия артиллерии и пехоты», заблаговременной разработки соображений для переезда артиллерии на новые позиции с целью подготовки атаки тыловой позиции противника и пр.

Предписанием 6 марта предлагалось артиллерии стать на позиции и быть готовой к открытию огня: всей тяжелой — к 10 марта, гаубичной — к 11-му, одной легкой артиллерийской бригаде 27-го корпуса к 10-му (заняв позицию к югу от м. Постава), всей остальной легкой — к 12 марта. Предлагалось начать пристрелку немедленно по постановке батарей на позиции, ведя ее одиночными выстрелами и не одновременно, чтобы «не обнаружить себя противнику»; всем артиллерийским начальникам предлагалось представить по команде, немедленно после личной рекогносцировки, точные схемы расположения батарей с указанием секторов обстрела, связи и с перечнем полученных задач; инаркором предписывалось организовать «такое снабжение боевыми припасами, чтобы ни в коем случае не могло быть задержек в развитии артиллерийского огня» и т. д.

Кроме того, 16 марта Плешковым была дана «Инструкция инспектору артиллерии группы», в которой указывалось:

а) Начать артиллерийскую подготовку 18 марта с 8–9 часов, как только прояснится туман, и сначала демонстративно в течение трех часов обстреливать участок оз. Можейское, д. Новый Двор (участок этот южнее района атаки), «обстреливая одновременно с особым вниманием участок Матишки, Бучелишки, Лапинский лес, особенно последний, и 2-ю линию обороны».

б) Затем перевести главную массу артиллерийского огня на участок главного удара Матишки, Бучелишки, Лапинский лес (фронт около 8 км), произведя перенос огня сразу после обстрела участка оз. Можейское, Новый Двор, не прекращая совершенно огня по последнему (фронт около 6 км).

в) Обстрел участка главного удара вести напряженно и непрерывно, прикрывая движение пехоты до ее приближения к неприятельским окопам; когда же будет опасность поражения своих, огонь перенести на фланги, на соседние и те тыловые участки, откуда можно ожидать подхода резервов и контратак.

г) Обстрел неприятельской артиллерии производить по мере действительной надобности, чтобы принудить ее к молчанию.

д) В первую очередь обстреливать те участки позиций противника, которые «грозят особым сопротивлением», и т. д.

Дальнейшие указания «Инструкции» являются избитыми общими местами о необходимости взаимодействия и связи, о наблюдении, о передвижении артиллерии вперед для подготовки атаки тыловых позиций противника, об артиллерийском обстреле ночью только тех произведенных разрушений, которые противник будет пытаться исправлять, о бесцельности чрезмерного расхода боеприпасов и пр.

Генерал Закутовский поставил своей артиллерии задачи следующим образом (см. схему 17).

1-я группа Андреева — 45-я артиллерийская бригада на позиции в районе Волохи, Поставы, растянутой почти на 5 км. Задача: обстреливать фронтальным, фланговым и косопрямельным огнем участок от Можейки до Загач и в глубину до Лапинского леса.

Наименьшая дальность для 1-го дивизиона 45-й артиллерийской бригады до окопов у д. Новый Двор — около 4 км, до Можейки — 7 км, до Загач — 6 км; для 2-го дивизиона до Можейки — 4 км, до Загач — около 9 км, до Лапинского леса — от 5 до 7 км. На таких дальностях подготовка атаки для 76-мм пушек невозможна, т. е. задача, поставленная 1-й группе, была для нее невыполнимой, и участие этой группы в общем ударе свелось к нулю.

Столь же невыполнимыми в общем были и другие многочисленные задачи, поставленные группе Андреева, как то: обстрел выходов из окопов на том же широком фронте, обстрел ходов сообщения, тыловых дорог, резервов, оборона позиций от авиации, даже «образование дымовых завес» и притом на участке, который атаковать не предполагали.

2-я группа Макшеева — 76-я артиллерийская бригада на позиции в районе Поставы, Ромельки, т. е. тоже на довольно растянутом фронте около 4 км. Задача: подавление огня неприятельской артиллерии на участке Литвинки, Загач, Дворочаны, Соловьи, Ананичи; фронтальный и косопрямельный огонь по окопам на участке Новый Двор, Загач; обстрел тыловых подступов подхода резервов; образование на участке дымовых завес; оборона от воздушных налетов.

Подавление огня артиллерии в указанном участке было непосильным, так как дальность до нее была около 7–8 км; к тому же борьба с ней не имела значения, так как по дальности она не могла противодействовать атаке на главном направлении. До окопов Нового Двора и Загача была также значительная дальность от 4 до 6 км, а до «тыловых подступов», очевидно, было еще дальше.

Группа Макшеева, находясь в 10–11 км от района главного удара, не могла принять сколько-нибудь деятельного участия в поддержке атаки.

Включать в группу Закутовского 45-ю и 76-ю артиллерийские бригады, удаленные от района атаки, не следовало; к тому же батареи этих бригад были удалены на 2–9 км и от самого Закутовского, находившегося все время боя при штабе 2-й Сибирской дивизии в д. Сивцы. Напротив, в целях объединения работы легкой и тяжелой артиллерии

следовало включить в группу Закутовского оставленные при своих дивизиях 1-ю и 2-ю Сибирские артиллерийские бригады, действовавшие по району атаки с малых дальностей.

3-я группа Руктешеля (122-мм и 152-мм гаубицы и 152-мм пушки в 120 пуд.) занимала растянутую почти на 8 км позицию от юго-западной опушки леса, что к северу от д. Постава, до южной опушки леса, что к северо-востоку от д. Кашицы. Задача: обстрел неприятельской артиллерии в районе Загач, Литвинки, Соловьи, Ананичи, Новый Двор, Гары; обстрел фронтальным и косопримельным огнем участка Можейки, Загач; обстрел тыловых позиций.

Дальности до окопов противника были от 3 до 9 км, а до района его артиллерии 5 и большей частью 6–7,5 км. Фронт окопов Можейки, Загач, подлежащих обстрелу, около 9 км. Если бы все 32 орудия этой группы обрушились на такой участок окопов, то на каждое орудие пришлось бы приблизительно по 250 м; чтобы «обстрел фронтальным, фланговым и косым огнем» подобного участка был действительным, надо было израсходовать колоссальное количество снарядов.

Группа Руктешеля не предназначалась для действия на участке главного удара (Бучелишки, Можейка), да и стрелять туда она могла вследствие большой дальности лишь небольшой частью орудий. Сосредоточение огня батареями этой группы, разбросанных на фронте 8–9 км, по общим целям было крайне затруднительно.

4-я группа Яковлева (122-мм и 152-мм гаубицы и 107-мм пушки) располагалась на позиции в районе Волоцки, Сивцы, т. е. на фронте около 6 км. Задача: а) подавление огня неприятельской артиллерии в районе Интока, Яржево, Гары; б) стрельба по тыловым подступам и резервам; в) обстрел тыловых позиций в районе Яржево, Большая и Малая Олясья; г) обстрел участка на фронте Дуки, Новый Двор; д) образование проходов в проволоке у Бучелишки, северный выступ Лапинского леса (два прохода по 40 м в левой половине участка); е) стрельба по змейковым аэростатам.

Основной задачей являлся обстрел участка главного удара Бучелишки, Можейка, куда следовало бы сосредоточить огонь всей группы Яковлева и большинства остальных батарей артиллерии Закутовского, соответственно расположив их от целей на дальностях действительного огня. Между тем батареи группы Яковлева должны были решать основную задачу с дальности 5–6 км, недопустимо большой как для разрушения окопов, которое почему-то вовсе не было задано, так и в особенности для пробивания проходов в проволоке, не говоря уже о том, что разрушение проволоки не отвечало свойствам тяжелых орудий группы Яковлева и должно было быть возложено на легкие 76-мм пушки. До всех остальных целей, указанных группе Яковлева в задачах «а», «б», «в», «е», дальности были еще больше — от 6 до 7 км, а до змейкового аэростата свыше предельной. При этом задача фланкирования участка Задевьё, Новый Двор являлась совершенно бесцельной, даже преступной: фланкировался второстепенный участок, к тому же прикрытый с фронта озером Задевьёвским, и в то время, когда пехота гибла на главном участке на проволоке и под огнем из неразрушенных окопов.

5-я группа Надеина (122-мм и 152-мм гаубицы) на позиции около 5 км по фронту лес западнее Волоцки, лес к востоку от д. Курты. Задачи: а) обстрел участка Бучелишки, Можейка; б) обстрел Лапинского леса; в) образование проходов в проволоке между Бучелишки и Можейка — два прохода по 40 м в правой половине участка; г) обстрел тыловых позиций в районе Интока, Яржево.

Для обстрела, или, правильнее, для разрушения, участка Бучелишки, Можейки в 2,5 км по фронту недостаточно 36 гаубиц, имевшихся в распоряжении Надеина, если даже отбросить все прочие задачи его группы.

Проходы в проволоке делались с большой дистанции 4–4,5 км из гаубиц, вместо того чтобы назначить гаубицы для разрушения окопов, что отвечало их свойствам. Обстрел Лапинского леса, имеющего обширную площадь — до двух квадратных километров, являлся задачей, не обещающей серьезного результата. До тыловых позиций, заданных для обстрела, дальность 6–7 км.

Вследствие нецелесообразных распоряжений генерала Закутовского фактически, в окончательном выводе, из всей его артиллерии (188 орудий) для подготовки и поддержки атаки 18 марта на участке главного удара 1-го Сибирского корпуса между д. Бучелишки и перешейком Лапинского леса было привлечено лишь 44 орудия, в том числе: полевых 122-мм гаубиц — шесть батарей, или 46%, обстреливавших окопы с дистанций от 2,5–3,5 до 5–6 км ; тяжелой 152-мм артиллерии для обстрела окопов лишь одна батарея, или 10% всей 152-мм артиллерии (дальность 5–6 км) ; для разрушения проволоки две 122-мм и одна 152-мм батареи, (или 13% и 10% (с дальностями от 4 до 6 км) ; легкая 76-мм артиллерия вовсе не была привлечена.

Всего на фронт главного удара в 1,5 км для разрушения блиндажей и окопов усиленной профили было направлено лишь 28 гаубиц (24 полевые 122-мм и 4 тяжелые 152-мм), т. е. на одну гаубицу приходился фронт в 60 м. Столь широкий фронт сильных укреплений не мог быть достаточно разрушен за время подготовки 18 марта. Если же принять во внимание, что разрушение окопов и проволоки велось с дистанций в среднем около 5 км, то сомнительный результат подобной артиллерийской подготовки можно было предвидеть заранее. Участок главного удара не мог обстреливаться интенсивно и в период атаки, тем более что легкая 76-мм артиллерия в силу особенностей ее расположения и полученного задания не могла участвовать в главном ударе.

Аэрофотосъемки атакуемого участка ко времени начала артиллерийской подготовки не было. Фотографирование было выполнено лишь 20 и 26 марта, когда существенной пользы принести оно уже не могло; кроме того, фотоснимки так и не попали к артиллеристам. За неимением аэрофотоснимков была более или менее известна только первая линия неприятельских окопов, прочие «предполагались» и не могли быть обстреляны, как и оставшиеся неизвестными ходы сообщения и пути движения резервов противника; не могли быть выяснены и назначены к разрушению и фланкирующие его участки.

По данным о противнике, добытым рекогносцировками по 16 марта, была составлена схема расположения артиллерии группы Плешкова и позиции противника с нумерацией целей. Составлен был список целей, подлежащих обстрелу артиллерийской группой Закутовского. Всего 119 целей, а именно (см. схему 17):

№ целей	Название целей
119	Дашки
120	Окопы на высоте южнее оз. Спорское
121	Дворочаны
122	Окопы с пулеметами к с. в. Соловьи у оз. Спорское
123	Соловьи
124	Вороновщина
125	Окопы ю.-в. Загач
126	Загач
127	Загач
128	Окопы ю.-з. Загач
129	г. дв. Загач, Литвинка
130	Окоп ю.-в. Загач
131	Роща вост. оз. Загач
132	Роща вост. оз. Загач
133	Окопы зап. оз. Загач
134	Опушка леса ю.-в. Дуки

135	Проволока перед (вост.) Дуки
136	Дуки
137	Окопы с.-в. Дуки
138	Окопы вост. Дуки
139	Кладбище с.-з. Дуки
140	Роща вост. Дашки
141	Взвод артиллерии ю.-з. Задевьё
142	Взвод артиллерии зап. Задевьё
143	Окоп у озера между Задевьё и Дуки
144	Пулемет ю. костела в Залевье
145	Отд. дом с наблюдателем у озера южн. Задевьё
146	Окопы в Задевьё
147	Батарея с.-в. Литвинка
148	Окопы вдоль дороги с. Литвинка
149	Опушка рощи с.-з. Гары
150	Батарея против костела
151	Батарея у кладбища Задевьё
152	Батарея ю.-з. Новый Двор
153	Кусты с.-з. Новый Двор
154	Малая Олься
155	Можейки
156	Пересечение дороги из Родзе в Гары с жел. дорогой
157	Костел в Задевьё
158	Выступ леса между Вилейты и Микули
159	Пулеметный окоп между оз. Можейское и оз. Ксендзовское
160	Гаубичная батарея с.-в. Дашки
161	Задевьё
162	Ю.-в. окраина Новый Двор
163	Ю.-з. окраина Новый Двор
164	Сев. окраина Новый Двор
165	Гаубичная батарея ю.-з. Гары
166	Гары
167	Большая Олься
168	Окоп южн. железной дороги и оз. Ковалевское
169	Окоп южн. железной дороги за оз. Ковалевское
170	Окоп между оз. Ксендзовское и оз. Ковалевское
171	Ходы сообщения за оз. Ковалевское
172	Окоп за оз. Ксендзовское
173	Наблюдательный пункт в лесу зап. оз. Ксендзовское
174	Редкая роща у железной дороги

175	Окоп между оз. Можейское и оз. Ксендзовское
176	Левый край редкой роши ю.-з. оз. Можейское
177	Легкая батарея ю.-в. Ловкишки
178	Окоп зап. оз. Можейское
179	Проволочные ограждения зап. оз. Можейское
180	Окоп зап. левого края Можейки
181	Ловкишки
182	Окоп зап. середины Можейки
183	Окоп с.-в. правого края Можейки
184	Легкая батарея ю.-з. Можейки
185	Окоп на поляне у куста
186	Окоп «под лесом» южн. Лапиль
187	Легкая батарея за лесом южн. Целинь
188	Окоп вост. хут. Лапиль
189	Окоп южн. Лесн. Мудяр
190	Окоп с.-в. Бучелишки
191	Окоп зап. Лесн. Муляр
192	Бучелишки
193	Резервный окоп вост. Интока
194	Резервный окоп за зап. окраиной Бучелишки
195	Окоп между Бучелишки и Лесн. Муляр
196	Окоп с.-в. Бучелишки
197	Окоп между Бучелишки и Микулишки
198	Окопу кладбища с.-в. Еилейты
199	Заставы на южн. окраине Вилейты
200	Окоп ю.-з. Вилейты
201	Отд.. домик вост. М. Олься
202	Родзе
203	Дальний окоп между оз. Можейское и оз. Ксендзовское
204	Передовой окоп между оз. Можейское и оз. Ксендзовское
205	Окоп у леса за южн. краем Можейки
206	Окоп за серединой оз. Можейское
207	Окоп за правым краем оз. Можейское
208	Окоп левее Можейки
209	Ловкишки
210	Окоп правее Можейки
211	Окоп у леса
212	Окоп левее Бучелишки
213	Окоп правее Бучелишки
214	Окоп правее Вилейты

215	Окоп левее Голатыльцы
216	Голатыльцы
217	Выступ большого леса между Матишки и Голатыльцы
218	Взвод артиллерии на опушке леса у Матишки
219	Окоп левее Матишки
220	Окоп впереди Матишки
221	Матишки
222	Ближний окоп впереди Матишки
223	Окоп правее Матишки
224	Окоп между Матишки и Антоны
225	Окоп левее Антоны
226	Антоны
227	Окоп между Антоны и Аймуны
228	Аймуны
229	Окоп между Аймуны и Медзиль
230	Медзиль
231	Дв. Малюпе
232	Окоп Интоки, Свельми
233	Окоп Свельми, Уржево
234	Окоп у м. Годутишки
235	Батарея у Задевье
236	Окоп у Б. Олься
237	Окоп у М. Олься

Пристрелка батарей в группе Закутовского была начата за три дня до начала операции, причем было пристреляно не 119, а 237 целей, распределенных по фронту до 25 км и как в передовой, так и в последующих линиях позиции противника и в районах его артиллерии. Такая пристрелка давала ясные указания противнику на район предстоящего удара. Обширность пристрелянного района и множество пристрелянных целей в значительной степени исключала возможность точного указания целей и затрудняли управление огнем.

Вся артиллерия группы Закутовского действовала на фронте 1-го Сибирского корпуса. Оставленная в распоряжении корпуса артиллерия располагалась на позициях: 1-я Сибирская артиллерийская бригада в районе Курты, Волоцки (1-й дивизион приблизительно в 4 км от первой линии неприятельских окопов, 2-й дивизион несколько впереди, юго-западнее 1-го и ближе к противнику, около 3 км от первой линии его окопов); 2-я Сибирская артиллерийская бригада к юго-востоку от 1-й в районе Русаки, Курты на восточном берегу р. Мяделка (оба дивизиона почти в одну линию в 2–3 км от окопов противника, расположенных на западном берегу оз. Можейское).

1-й Сибирский корпус занял район, который прежде занимал 1-й армейский корпус. Для выяснения расположения противника и его артиллерии 1-й армейский корпус сделал немного; поэтому 1-му Сибирскому корпусу пришлось почти всю разведку делать снова, но за недостатком времени и так как туман не допускал пользоваться аэропланами, тыл противника и его артиллерия остались неизвестными.

1-й армейский корпус, выполнявший столь же серьезную задачу, как и 1-й Сибирский, был предоставлен самому себе со своей легкой артиллерией — 54 полевых 76-мм пушки и одним мортирным дивизионом — 12 полевых 122-мм гаубиц. С этими

бедными артиллерийскими средствами группе генерала Масальского предлагалось разрушать окопы и рвать проволоку на всем фронте атаки Вилейты, Бучелишки протяжением около 3,5 км, т. е. на каждую гаубицу приходился фронт атакуемого и подлежащего разрушению участка около 300 м. Такая задача для 122-мм гаубицы невыполнима. Что же касается пробивания проходов в проволоке из легких 76-мм пушек, то при обстреле окопов, расположенных по опушке леса, деревья, опутанные проволокой, падали и загромождали сделанные проходы.

В 1-м армейском корпусе расстановка артиллерии на позиции встретила большие затруднения вследствие лесисто-болотистой местности в обширном районе между реками Камайка и Мяделка к северу от линии Бучелишки, Курты (см. схему 17). Батареи пришлось ставить на случайных лесных полянках, устраивая для орудий помосты из бревен; окопов нельзя было возвести ни для артиллерии, ни для пехоты; наблюдательные пункты приходилось выбирать на опушке леса в линии своего сторожевого пехотного охранения и в непосредственной близости к противнику; наблюдательные пункты сильно обстреливались и постоянно перебивались телефонные провода, вследствие чего командовавший артиллерийской группой Масальский вынужден был во время боя с наблюдательного пункта на передней опушке перейти несколько в глубь леса.

Отсутствие воздушной разведки и аэрофотосъемок, неблагоприятно сказалось в 1-м армейском корпусе, как и в других частях группы Плешкова.

Задачи артиллерии в группе Масальского были поставлены общевойсковым командованием, как это бывало обыкновенно в царской армии, в общих, неопределенных выражениях; даже время открытия огня для начала артиллерийской подготовки было назначено первоначально неопределенно — «с рассветом»; вечером, в ночь на 18 марта, пришло приказание открыть огонь в 8 ч. 15 м. утра.

Группа генерала Балуева

(схема 19)

В группе Балуева план операции был разработан заблаговременно, пользуясь данными воздушной фотографии; заблаговременно же были выбраны в соответствии с задачей позиции для артиллерии.

5-й армейский корпус получил задачу: нанести удар противнику на фронте д. Мокрицы, оз. Нароч (фронт около 4 км).

Приданная корпусу артиллерия подразделялась на три отдельные группы, объединение действий которых было поручено инаркору генералу Горбачевичу. Состав группы был следующий:

1-я группа (полковник Тихоцкий): 152-мм гаубиц — 4, 152-мм пушек в 120 пуд. — 4, 122-мм полевых гаубиц — 4, 107-мм пушек обр. 1877 г. — 4, 76-мм полевых пушек — 12.

2-я группа (генерал Скерский): 152-мм гаубиц — 5, 152-мм пушек в 120 пуд. — 4, 122-мм гаубиц — 8, 76-мм полевых пушек — 30.

3-я группа (полковник Велямович): 152-мм гаубиц — 5, 152-мм пушек в 120 пуд. — 8, 122-мм гаубиц — 12, 76-мм полевых пушек — 60.

36-й армейский корпус получил задачу: нанести удар противнику в направлении д. Балтагузы.

Состав артиллерии этого корпуса: 152-мм гаубиц — 13, 152-мм пушек в 120 пуд. — 8, 122-мм гаубиц — 20, 107-мм скорострельных пушек 1910 г. — 4, 107-мм пушек обр. 1877 г. — 8, 76-мм полевых пушек — 60. Артиллерия эта была роздана примерно поровну по дивизиям, тогда как активную задачу имела только 25-я пехотная дивизия, а 68-я дивизия получила задачу пассивную. При 25-й пехотной дивизии состояло: 152-мм гаубиц — 8, 122-мм гаубиц — 12, 107-мм скорострельных пушек — 4 (из них исправных только 2), 107-мм пушек обр. 1877 г. — 8, 76-мм пушек — 36, а при 68-й дивизии: 152-мм гаубиц — 5, 152-мм пушек в 120 пуд. — 8, 122-мм гаубиц — 8 и 76-мм пушек — 24.

Ближайшее руководство артиллерией было возложено соответственно на командиров 25-й и 68-й артиллерийских бригад, действовавших по непосредственным указаниям своих начальников дивизий. 3-й Сибирский корпус назначен был в резерв и должен был наблюдать болото в промежутке между 5-м и 36-м корпусами (между Мокрицы и Балтагузы).

В распоряжении этого корпуса находилась артиллерийская группа (4-я) полковника Зверева из 4 скорострельных 107-мм пушек и 12 полевых 76-мм пушек, поставленная на позиции, весьма удаленной от противника. Легкая 8-я Сибирская артиллерийская бригада была оставлена в резерве.

Для стрельбы по самолетам использованы были 38 полевых 76-мм пушек.

Для объединения действий артиллерии всей группы Балуева был назначен инспарт 36-го корпуса генерал Романовский, но назначение это было номинальным, так как артиллерия 5-го и 36-го корпусов, действовавшая в районах, разделенных болотом шириной 3–4 км, почти не могла оказывать взаимной поддержки. Кроме того, Романовский, одновременно назначенный для наблюдения за питанием снарядами, не мог, за недостатком времени, руководить артиллерией даже своего 36-го корпуса.

В группе Балуева задачи артиллерии давались, как и в группе Плешкова, в общих чертах, а если и ставились определенные требования, то не всегда отвечающие свойствам артиллерии и обеспечивающие успех в бою. Так, например, 122-мм и 152-мм гаубицам артиллерии 5-го корпуса приказано было сделать 18 марта в проволочных заграждениях противника четыре сплошных широких прохода по 100 м, вместо того чтобы поручить это легким 76-мм батареям, а на гаубичные батареи возложить разрушение окопов. Задача потребовала громадного расхода гаубичных боеприпасов, но не могла быть выполнена в полной мере. Сделанные же проходы в проволоке сыграли при атаке предательскую роль искусственных дефиле, в которых русская пехота несла огромные потери от неприятельского огня.

При артиллерийской подготовке 18 марта по окопам стреляла главным образом 76-мм полевая артиллерия и большей частью шрапнелью, так как гранат было мало (гранаты были доставлены в обычной пропорции — около 15% комплекта). Стрельба 76-мм шрапнелью не причиняла никакого вреда окопам и только вынуждала защитников временно укрываться. Вследствие ненадлежащего использования гаубиц не были разрушены фланкирующие участки окопов; между тем некоторые пункты атаки были избраны в неудобных, несколько входящих углах, сильно обстреливаемых с флангов.

В 5-м корпусе имела место дружная совместная работа пехотных и артиллерийских начальников, которые заблаговременно сговорились о деталях атаки; по местности были указаны участки для прорывов проволоки и разрушения окопов. Однако в действительности в некоторых случаях атака все-таки не нацеливалась на участки, разрушенные артиллерией, и атакующие части пехоты попадали на уцелевшую проволоку и гибли на ней. Это печальное явление наблюдалось при последующих атаках и в 3-м Сибирском корпусе, в котором, между прочим, артиллерийским разведчикам приходилось указывать пехоте путь к проходам в проволоке.

Остановимся на характерных задачах, полученных артиллерией 36-го корпуса, которые были распределены следующим образом.

На фронте 25-й пехотной дивизии — от м. Спягло до р. Роличи (около 5 км) : а) разрушение окопов на фронте до 800 м — одна 122-мм батарея из 4 легких гаубиц; но она могла разрушить за короткое время, какое было дано на артиллерийскую подготовку, едва ли более 80 м ; для разрушения же 800 м окопов нужно было бы выпустить одной батарее не менее 12000 гранат при непрерывной стрельбе примерно в течение двух суток днем и ночью без перерывов; в действительности эта батарея стреляла по окопам лишь несколько часов; б) такая же задача разрушения окопов до 800 м была дана другой 122-мм батарее; в) одной батарее 122-мм гаубиц и двум батареям 152-мм тяжелых гаубиц задано было образование проходов в проволочных заграждениях, что совершенно неправильно и

должно возлагаться на легкие 76-мм пушечные батареи; г) вместо того легкая 76-мм артиллерия привлекается к стрельбе по окопам; несомненно, что промерзшим окопам и их защитникам легкие батареи вреда не нанесли; д) борьба с артиллерией возлагается на 107-мм пушки, что правильно, но на них же частью возложено было фланкирование окопов, что мало отвечает свойствам этих пушек, так как разрушать фланкирующие постройки они не могут.

На участке 68-й пехотной дивизии — от Роличи до Спяглица (около 8 км): а) легкие 122-мм и тяжелые 152-мм гаубичные батареи — борьба с артиллерией противника, тогда как борьба с артиллерией противника не является основной задачей гаубиц и при атаке укрепленной позиции они должны разрушать окопы и прочные укрытия в окопах; б) легкие 76-мм батареи — пассивная задача обстрела неприятельских окопов; вместо такой «пассивной» задачи и притом непосильной для 76-мм пушек следовало использовать легкую 76-мм артиллерию, продвинув ее поближе для пробивания проходов в проволочных заграждениях и для борьбы с артиллерией противника.

Наконец, всей артиллерии 36-го корпуса приказано было подготовить данные для стрельбы по своим окопам на случай занятия их противником. Подобное приказание деморализующе действовало на войска и вселяло в них не веру в свои силы, а, напротив, уверенность в превосходстве противника, не наступательный порыв, а мысль об отступлении.

Приказ о задачах артиллерии 36-го корпуса говорит сам за себя и заранее предугадывает безуспешность артиллерийской подготовки и тот печальный исход атаки, какой имел место в действительности.

Большинство батарей группы Балужева стояло на позициях в районе между озерами Нароч и Вишневское еще с осени 1915 г.; знали местность, окопы противника и имели пристрелочные данные. Вновь прибывшие батареи пристреливались по мере прибытия. Тяжелая артиллерия прибывала с большим опозданием; 10-я тяжелая артиллерийская бригада прибыла частью вечером 16-го, частью вечером 17 марта, накануне начала артиллерийской подготовки. Личный состав тяжелой артиллерии не успел ознакомиться с местностью и окопами; телефонная связь была закончена только утром 18-го, в день боя; одна из 152-мм батарей пристреливалась на рассвете 18-го, когда подготовка удара уже началась, а другая 152-мм батарея осталась даже непристрелянной и стреляла 18-го наугад «по тылам».

Несмотря на предварительную пристрелку большинства батарей, все же в 5-м корпусе только артиллерия 1-й и 2-й групп имела пристрелочные данные и могла действовать по общему участку, атакуемому 7-й пехотной дивизией, а для общего содействия 10-й пехотной дивизии (влево) достаточных данных пристрелки не имелось; 3-я артиллерийская группа могла работать в районе атаки 10-й дивизии и только случайное содействие могла оказывать направо, в район 7-й дивизии; 4-я группа Зверева из 76-мм и 107-мм пушек могла действовать только на участке 3-го Сибирского корпуса, между 5-м и 36-м корпусами, и только на больших дальностях, а содействия ближайшей 10-й дивизии оказывать не могла. Таким образом, расстановка артиллерии группы Балужева далеко не в полной мере обеспечивала получение перекрестного и сосредоточенного огня.

Группа генерала Сирелиуса

(схема 18)

Группа Сирелиуса (34-й армейский и 4-й Сибирский корпуса) имела назначением: а) противодействовать возможному прорыву немцев на фронте д. Дуки, оз. Нароч (д. Занароч), между активными группами Плешкова и Балужева; б) атакой и огнем на участке Черняты, Лотва (около 3 км) приковать силы немцев к занимаемой ими позиции.

Артиллерия группы Сирелиуса имела в своем составе: 12 легких батарей — 72 полевые 76-мм пушки, мортирные дивизионы 4-го Сибирского и 34-го корпусов — 24 легкие 122-мм гаубицы и приданные три тяжелые батареи — 12 тяжелых 152-мм гаубиц. Расположение этой артиллерии на позициях показано на схеме 18.

Приказами генерала Сирелиуса задачами для артиллерии ставилось: а) «периодически вести беглый артиллерийский огонь, сосредоточивая его по временам на участках, назначенных для прорыва...», «периодически возобновлять беглый огонь на всем фронте, чтобы тревожить противника, что продолжать и ночью», не давать противнику возможности исправлять повреждения в окопах и заграждениях; б) как и в 36-м корпусе, подготовить данные для стрельбы по своим окопам на случай занятия их противником.

Разрушать проволочные заграждения и делать в них проходы артиллерии не приказывалось.

В частности, главным объектом действий артиллерии в 4-м Сибирском корпусе был обстрел окопов и артиллерии противника, орудия которой приказано было «демонтировать», между тем артиллерия противника вовсе не была обнаружена.

В группе Сирелиуса все знали, что задача поставлена пассивная, а потому и артиллерия этой группы, по-видимому, не особенно добивалась достичь результатов. В группе вообще не делалось даже попыток централизации управления артиллерией.

Организация питания боеприпасами

При разработке плана и подготовке операции расчет количества потребных боеприпасов произведен был не в зависимости от того, сколько нужно снарядов для разрушения атакуемых участков неприятельской позиции, для пробивания проходов в проволочных заграждениях и для обеспечения успеха операции, а механически в том предположении, что бои будут продолжаться в одних войсковых частях до 10 дней, в других от 2 до 5 дней и что ежедневный расход выразится:

на 76-мм полевую пушку в	200 выстрелов
на 122-мм полевую гаубицу в	100 выстрелов
на 107-мм скорострельную пушку в	50 выстрелов
на 152-мм тяжелую гаубицу в	50 выстрелов

При составлении расчёта не было принято во внимание, сколько боевых припасов мог получить Западный фронт из запасов Упарта, к которому по этому вопросу не поступало от фронта предварительных запросов. Для Упарта было совершенно неожиданным поступившее к нему 9 марта требование Западного фронта о назначении ему к отпуску, сверх имеющихся на фронте, еще 68 легких 76-мм, 20 гаубичных 122-мм и 7 гаубичных 152-мм парков и о принятии мер, в предвидении дальнейшего развития операций, к пополнению запасов фронта в размере 30–35% от общего числа парков фронта.

По состоянию запасов в резерве главковерха (Упарта) требование это не могло быть удовлетворено в полной мере. Западному фронту вместо просимого было назначено: с 14 по 23 марта — 45 легких парков, лишь 2 гаубичных (122-мм) и 2 тяжелых гаубичных, а с 23 до 28 марта еще 8–10 легких парков.

Таким образом, расчет боевых припасов, сделанный Западным фронтом, так сказать, «на-глазок», не был сообразован ни с действительной потребностью, ни с имевшимися средствами. В действительности расчет этот оказался преувеличенным по отношению к 76-мм пушечным патронам и ошибочным в меньшую сторону по числу выстрелов к тяжелым пушкам 107-мм обр. 1877 г. и 152-мм в 120 пуд., а также к гаубицам легким и тяжелым.

Главкозап генерал Эверт, считая одной из причин неудачи мартовской операции недостаток выстрелов к гаубицам, писал 28 мая того же 1916 г. генералу Алексееву в ставку, что в ударных армиях следует считать средний ежедневный расход на орудие по 150 выстрелов 122-мм и по 100 выстрелов 152-мм и что 18 марта в группе Балуева «при определенных целях и задачах было израсходовано на орудие: 122-мм — 200 выстрелов, 152-мм полевых — 250, 152-мм крепостных — 175, 107-мм — по 150; в последующие

дни мартовской операции: 20 и 22 марта — около 120 и 21 марта — около 200 на полевую тяжелую 152-мм гаубицу».

Питание боеприпасами было организовано по указаниям штаба главкозапа и происходило в общем неудовлетворительно. Запасы боеприпасов были сосредоточены на больших железнодорожных станциях в 50–80 км от позиционных районов батарей. При батареях имелся запас снарядов лишь на один первый день. Отдаленное расположение складов боеприпасов сказалось весьма неблагоприятно на ходе операции, в особенности при наступившей весенней распутице.

В частности, питание боеприпасами было организовано так:

В группе генерала Балуева. В д. Талуть в 15–18 км от боевых линий был образован передовой склад с однодневным запасом снарядов; на станции Кривичи находился тыловой склад с 4–5-дневным запасом; для подвоза к передовому складу в д. Талуть, от ст. Кривичи служила узкоколейная железная дорога длиной 30 км и плохая грунтовая дорога, которая к вечеру 22 марта ввиду оттепели стала почти вовсе непроезжей; распоряжением командира 5-го армейского корпуса был организован небольшой промежуточный склад боеприпасов возле д. Слобода.

Неудовлетворительная организация подвоза снарядов от ст. Кривичи в склад в д. Талуть, отсутствие достаточного запаса на батареях и ограниченность первоначальных запасов в д. Талуть, особенно к 107-мм, 122-мм и 152-мм орудиям, сказались быстро и очень резко. Снаряды подавались малыми порциями, достаточными лишь для того, чтобы поддержать огонь, но не надлежащую подготовку; на мощный огневой удар снарядов крупного калибра после атаки 18 марта уже не хватало.

Между прочим, 10-я тяжелая артиллерийская бригада прибыла на позицию с 175 снарядами на орудие; прочие снаряды были оставлены в глубоком тылу, откуда получение их было крайне затруднено.

В группе Плешкова. Количество 76-мм патронов, отпущенных на операцию, оказалось вполне достаточным, недостаток в снарядах ощущался для тяжелых и 122-мм гаубиц. Однако задержек в питании 76-мм патронами не было только в 1-м армейском корпусе, где предварительно были созданы запасы на батареях, почти по 1 000 патронов на орудие. Пополнение боевых комплектов 76-мм орудий в остальных корпусах и боевых комплектов 122-мм, 107-мм и 152-мм калибров во всех частях артиллерии группы Плешкова встречало большие затруднения. Отпущенные на операцию снаряды не были выданы войскам заблаговременно, как и не были устроены промежуточные склады. Тыловой склад был организован на ст. Воропаево, куда боеприпасы подвозились по узкоколейной железной дороге; артиллерийским паркам, получающим снаряды для батарей из склада в Воропаево, приходилось ежедневно делать до 80 км. Это чрезвычайно тяжело отражалось на конском составе вследствие непроходимости дорог в наступившую весеннюю распутицу и значительно стесняло ежедневную подачу снарядов батареям, причиняя войскам при их и без того весьма напряженной работе излишние затруднения.

В общем, боепитание оказалось настолько неудовлетворительным (особенно по крупным калибрам), что периодически для 107-мм пушек снарядов совсем не было. Были и такие, например, случаи, когда на 7 тяжелых 152-мм орудий в 1-м армейском корпусе имелось только 4 снаряда; иногда 152-мм полевые снаряды перемешивались с 152-мм крепостными или 152-мм снаряды доставлялись без ввинченных трубок и были непригодны для стрельбы.

В группе Сирелиуса питание боеприпасами было организовано совершенно неудовлетворительно; особенно остро ощущался недостаток тяжелых снарядов.

Боевые действия

Группа генерала Плешкова. Как было уже указано, на участке главного удара группы в 1-м Сибирском корпусе вследствие неправильной группировки артиллерии для подготовки удара было использовано менее половины тяжелой артиллерии группы. Легкие полевые пушки не могли восполнить этого недочета вследствие слабости их

действия по окопам, в особенности при промерзлом грунте, еще не успевшем оттаять. Аэрофотосъемки района предстоящих действий не было. Предварительная наземная разведка получила более или менее точные данные лишь о первой линии обороны противника, глубина же позиций оставалась неразведанной. С утра 18 марта опустился густой туман, затруднивший наблюдение. Ясно, что артиллерийская подготовка в этих условиях не могла принести существенных результатов.

Артиллерийская подготовка началась в 8 ч. 15 м. в 1-м Сибирском корпусе; к 11 часам огонь стал напряженным; немцы отвечали слабо. В 12 часов дня без ведома и предупреждения артиллеристов, несмотря на то, что подготовка ими закончена не была, пехота пошла в атаку и застряла в неразрушенной проволоке. Атака захлебнулась.

По этому поводу начальник штаба 1-го Сибирского корпуса в своей записке от 13 мая 1916 г. объяснял: «Для атаки точного срока не определялось, а предполагалось переход в наступление пехоты приурочить к тому моменту, когда обозначатся реальные результаты огня, — во всяком случае, не ранее двух, а может быть, и четырех часов дня. Никаких указаний ни из штаба группы, ни от инспектора артиллерии группы о том, что артиллерийская подготовка будет закончена к 12 часам дня, не исходило. Поэтому начатая 22-й пехотной и 1-й Сибирской дивизиями атака в первом часу дня произошла, очевидно, по какому-то недоразумению».

В 1-м армейском корпусе атаковал только один Вильмандстранский пехотный полк, направленный при этом во входящий угол неприятельской позиции. Как и в 1-м Сибирском корпусе, Вильмандстранский полк пошел раньше, нежели была закончена артиллерийская подготовка, не узнав об этом и не предупредив командовавшего артиллерийской группой генерала Масальского. Полк был встречен с фронта ружейным и пулеметным огнем, а с фланга огнем артиллерии, бездействовавшей до того времени и не обнаружившей себя. Полк залег, не дойдя до проволоки, и был почти полностью уничтожен огнем противника.

После неудачной атаки артиллерийский огонь поддерживался до конца дня 18 и всю ночь на 19 марта. Следующая атака была назначена на ночь с 19 на 20 марта. Артиллерийская подготовка велась в течение всего 19 марта. Участок подготовки атаки для 1-го Сибирского корпуса был сокращен до $3/4$ км (северный выступ Лапинского леса). Сюда был сосредоточен массовый огонь шести гаубичных 122-мм батарей, трех гаубичных 152-мм батарей и двенадцати легких 76-мм батарей 1-й и 2-й Сибирских артиллерийских бригад. Ночью, за час до атаки, артиллерийский огонь достиг высшего напряжения. Атака была удачна, занято было сибирскими стрелками около 1000 шагов окопов противника. Но утром, когда атака соседнего справа 1-го армейского корпуса успеха не имела, на обнаженный правый фланг 1-го Сибирского корпуса обрушилась контратака немцев, поддержанная сильным фланговым огнем из уцелевших фланкирующих построек. Пехота 1-го Сибирского корпуса вынуждена была отойти с большими потерями в исходное положение.

Для усиления артиллерии 1-го армейского корпуса из группы Закутовского 20 марта были включены в артиллерийскую группу Масальского две батареи 152-мм гаубиц, которые были уже пристреляны по району Вилейты, Голатыльцы, и одна 107-мм батарея (пушки обр. 1877 г.), предназначенная для борьбы с неприятельской артиллерией у Лоздзеи. При содействии этой приданной артиллерии удалось подготовить атаку пехоты 1-го армейского корпуса, части которой заняли небольшой участок окопов противника, но огонь его из неразрушенных фланкирующих построек заставил русскую пехоту отойти.

Дальнейшими приказами по группе Плешкова артиллерии ставятся в общем широкие, довольно неопределенные и невыполнимые задачи, атака откладывается со дня на день, отдаются приказание об усилении огня до возможного предела и урагана, и даже при ночной артиллерийской подготовке. Приказом 20 марта указывалось продолжать непрерывно артиллерийский огонь возможной силы и, когда скажутся результаты огня, по особому приказанию корпусам атаковать неприятеля. Приказание по артиллерийской

части, исходившие из штаба 1-го армейского корпуса, были еще более сбивчивы и неопределенны. Согласно получаемым приказанием, артиллерия генерала Масальского подготавливала к атаке участок в 400 м шириной, вела периодически огонь ураганами «фугасными» и «шрапнельными». Атака же последовательно откладывалась и в результате не состоялась; громадный расход боеприпасов оказался непроизводительным.

К 23 марта в группе Плешкова выяснились огромные потери: 22-я пехотная дивизия потеряла 8900 человек, 1-я Сибирская — 7612, 2-я Сибирская — 5 152 человека, т. е. эти дивизии, потерявшие до 50% состава, оказались небоеспособными. Поэтому Плешков приказал состоявшему в резерве 27-му корпусу атаковать участок между 1-м армейским и 1-м Сибирским корпусами и возвратил 76-ю артиллерийскую бригаду в 27-й корпус.

Артиллерийскую подготовку атаки было решено начать 23 марта в 10 часов. Участок атаки расширен; корпусам предлагается атаковать уже не те участки неприятельской позиции, которые были им назначены раньше; артиллерийской группе Закутовского приказано обеспечить левый фланг 27-го корпуса энергичным обстрелом северозападной опушки Лапинского леса.

Атака, назначенная в ночь с 23 на 24 марта, была отменена вследствие неблагоприятной погоды. С утра 24 марта всей артиллерии было приказано продолжать обстрел неприятельской позиции. Артиллерийским огнем произведены были частичные разрушения укреплений противника и сделаны на некоторых участках проходы в проволоке. Вечером того же 24-го ставилась задача: «всей артиллерии усилить огонь до возможного в два часа ночи, а к трем часам ночи довести огонь до урагана, перенеся его на ближайший тыл неприятеля; в три часа ночи, под прикрытием ураганного огня артиллерии, корпусам стремительно и безудержно атаковать неприятеля».

Ночью того же 24 марта командующий армией приказал отложить атаку на сутки вследствие дурной погоды и недостатка тяжелых снарядов, но в течение ночи и дня 25 марта всей артиллерии приказано было вести систематический обстрел неприятельского расположения.

Для поддержки атак 1-го Сибирского корпуса артиллерии Закутовского утром 25 марта поставлены были следующие задачи: а) систематический обстрел восточной окраины деревни Бучелишки и прилегающих с юга и с севера участков, с разрушением блиндажей, убежищ и проволочных заграждений; после обстрела первой линии переносить огонь на вторую линию, находящуюся, по показанию пленных, в 300 м от первой; б) обстрел Лапинского леса, направляя главный огонь на северо-восточный выступ леса и полосу вдоль северо-западной опушки леса; цель этого обстрела — затупить пулеметную оборону леса, уничтожить блокгауз и проволочные заграждения в северо-западном выступе и продольным обстреливанием северо-западной опушки потушить фланговый огонь противника; в) обстрел 152-мм 120 пуд. пушками восточной окраины и внутренности Лапинского леса, хотя бы на пределе; г) тем батареям, которые не могут быть направлены на Бучелишки и западную часть Лапинского леса, вести борьбу с артиллерией противника, сосредоточенной между южной опушкой Лапинского леса и Гары; д) от правофланговой группы назначить одну-две батареи для содействия 16-му тяжелому дивизиону в обстреле лесного клина у Вилейты и ближайших окопов у Матишки.

Поставлены были задачи крайне разнообразные, весьма сложные и трудно выполнимые, но на этот раз довольно определенные, что бывало далеко не часто.

На рассвете 26 марта сибирские стрелки овладели двумя линиями неприятельской позиции между деревнями Вилейты и Бучелишки, но дальше не продвинулись вследствие обстрела с флангов и из лесов. Около 16 часов всей артиллерии приказано было продолжать непрерывный обстрел неприятеля, сосредоточивая огонь: артиллерии 1-го армейского корпуса на лесном клине у Вилейты; артиллерии 27-го корпуса на районе перед своей позицией; артиллерии 1-го Сибирского корпуса на перешейке Лапинского

леса; артиллерийской группе Закутовского по блокгаузам в д. Бучелишки, по северо-западной окраине Лапинского леса и по участку — перешеек Лапинского леса, д. Можейки и южный берег оз. Можейское.

Задания артиллерии давались письменными приказами, а не лично. При таких условиях артиллерийская поддержка неминуемо несколько запаздывала.

Для выполнения поставленных задач артиллерия не имела времени ни на перегруппировку, ни на переустройство связи, ни на пристрелку.

Вечером того же 26 марта командующий 2-й армией генерал Рагоза, разуверившись в успехе атаки группы Плешкова, воспретил атаку с фронта Можейки, Курты. Однако всей артиллерии приказано было, продолжая систематический обстрел неприятельских позиций, начать артиллерийскую подготовку новой атаки с 6 часов утра 27 марта.

Артиллерийский огонь в группе Плешкова почти не прекращался в течение всех 10 суток операции, переходя временами по указаниям штабов в «ураганный». Огонь сосредоточивался по тем участкам, которые предполагалось впоследствии атаковать и фронт которых постепенно суживался. По свидетельству пехотных начальников, огнем артиллерии к концу операции проволочные заграждения были достаточно разрушены для беспрепятственного прохождения пехоты. Достаточно были разрушены и окопы первой линии, которые были завалены трупами. Командир 27-го корпуса Баланин телеграфировал 23 марта о действиях артиллерии: «Разбиты козырьки, блиндажи целы, траверсы разбиты, проволочные заграждения достаточно разбиты, допускают прохождение пехоты без расчистки». По донесению начальника 2-й Сибирской дивизии Пospelова того же 23 марта: «подготовку можно считать очень хорошей. Козырьки разбиты, окопы и ходы сообщения завалены трупами, блиндажи пострадали мало вследствие нахождения в лесу и прочности сооружений. Сплошных проходов в проволочных заграждениях не образовалось, но пехота справилась с проволокой легко».

Начальник 1-й Сибирской дивизии Подгурский телеграфировал 24 марта: «полки ворвались без особенного сопротивления противника, подавленного могущественным огнем артиллерии».

Начальник штаба 1-го армейского корпуса генерал Новицкий доносил 24 марта: «Огнем тяжелой артиллерии проволочные заграждения разрушены настолько, что пехота прошла свободно. Окопы были повреждены сильно».

Но артиллерии группы Плешкова не удалось уничтожить пулеметные точки в Лапинском лесу и лесном клине, не удалось также подавить огонь германской артиллерии, так как в течение всей операции она не была обнаружена из-за отсутствия хороших наблюдательных пунктов и воздушной разведки. Вследствие этого атакующая пехота была не в состоянии удержаться в захваченных ею первых линиях неприятельских окопов, попадая под фланговый огонь пулеметов и сосредоточенный огонь германской артиллерии, расположенной кольцеобразно вокруг атакуемого участка.

В общем, достигнутый результат — разрушенные проволочные заграждения и разбитая первая линия неприятельских окопов — не соответствовал ни большому количеству стволов русской артиллерии, сосредоточенных на сравнительно небольшом участке, ни огромному количеству израсходованных ею снарядов.

Благодаря умелому расположению на закрытых позициях русская артиллерия не была обнаружена германскими батареями и значительных потерь не понесла.

Группа генерала Балуева. Первая атака в группе войск генерала Балуева была произведена днем 18 марта, причем в атаку пошли лишь части 5-го и 36-го корпусов.

Хотя в 5-м корпусе была достигнута предварительная договоренность артиллерии с пехотой, но артиллерия была использована в общем неправильно. Тяжелые батареи били по проволоке, легкие — по окопам. Вместо ряда узких проходов в проволоке, пробитых на возможно широком фронте, пробит был лишь один проход на участке около 100 м. Окопы не могли быть разрушены.

В 5-м корпусе атака по всему фронту была отбита ружейным и пулеметным огнем из уцелевших в окопах блиндажей и фланкирующих участков.

В 36-м корпусе атака была назначена на 12 часов дня. К этому времени артиллерийская подготовка закончилась, но движение пехоты для атаки началось лишь в 15 часов. В промежуток времени между 12 и 15 часами артиллерия поддерживала редкий огонь, а пехота лежала под огнем в воде. Таким образом, в 36-м корпусе не было достигнуто предварительное сближение с противником на кратчайшее расстояние под прикрытием огня своей артиллерии, не были заготовлены окопы и укрытия для развернувшейся к атаке пехоты. Атака 36-го корпуса успеха не имела.

Между прочим, нельзя не отметить, что командир корпуса доносил генералу Балуюеву около 12 часов 18 марта, что «корпус готов к атаке», а в приказе от 24 марта по поводу той же атаки он указывал, что «артиллерийская подготовка атаки велась слишком спешно, между тем никто не торопил ее, а потому следовало вести ее более педантично и основательно, проверяя чаще результаты попаданий наблюдением и пехотной и артиллерийской разведкой».

Артиллерийский огонь немцев против обоих атакующих корпусов был 18 марта слабый.

Следующая вторая атака в группе Балуюева была произведена на рассвете 21 марта.

В 36-м корпусе успеха не было.

В 5-м корпусе, на участке 10-й пехотной дивизии, артиллерийская подготовка атаки велась в течение всего дня 20 марта. При этом к разрушению проволоки в трех местах привлекалась легкая 76-мм артиллерия, а три прохода проделывались 122-мм гаубицами. Все остальные 122-мм гаубицы и все 152-мм орудия были обращены на разрушение окопов, блиндажей и фланкирующих участков. В течение ночи с 20 на 21 марта по окопам и проходам в проволоке поддерживался артиллерийский огонь шрапнелью. В 7-й пехотной дивизии ночная атака готовилась 76-мм снарядами с удушливыми газами, а тыл противника обстреливался снарядами с ядовитыми газами.

В результате такой артиллерийской подготовки войска 5-го корпуса сначала на участке 10-й, а затем и 7-й дивизии легко ворвались в окопы противника, в штыковом бою прошли и удержали три линии окопов и заграждений первой оборонительной полосы, захватили 1300 пленных, пулеметы, минометы и другое имущество.

Пройдя первую полосу обороны, войска 5-го корпуса остановились перед второй полосой на линии д. Мокрица и леса, что западнее г. дв. Августово. Часть легких батарей из 2-й и 3-й групп (Скерского и Велямовича) выдвинулась вперед вечером 21 и утром 22 марта.

Частный успех, достигнутый 21 марта 5-м корпусом, не получил дальнейшего развития главным образом потому, что расположенные далеко сзади резервы не успели своевременно подойти и поддержать атаку.

К утру 22 марта фронт 5-го корпуса был сокращен и левее его был развернут 3-й Сибирский корпус. Главный удар возлагался на эти два корпуса, а 36-й корпус получил второстепенную задачу. На другой день, 23 марта, 36-й корпус был заменен 35-м корпусом и отведен в резерв.

Артиллерийская подготовка атаки, произведенная 22 марта, не могла быть успешной из-за недостатка снарядов для тяжелой артиллерии; вследствие этого не удалось дальнейшие попытки продвинуть вперед пехоту в 3-м Сибирском и 5-м армейском корпусах. По той же причине и вследствие плохой погоды атака, назначенная в ночь на 23 марта, была отменена, а 24 марта не состоялась.

В течение 21–23 марта германцы вели непрерывные контратаки против группы Балуюева, отбиваемые огнем или штыковыми ударами, а контратака 21 марта на участке 7-й пехотной дивизии была отбита снарядами с удушливыми газами.

Шли горячие кровопролитные бои. Между тем весенняя оттепель со снежными мокрыми метелями превратила дороги, окопы и поля в непроходимую грязь. Вследствие

трудности подвоза войска стали терпеть лишения во всем, а передовые части даже голодали.

В 3-м Сибирском корпусе артиллерийская подготовка атаки производилась в ночь с 27 на 28 марта и не достигла результатов, так как ночная стрельба артиллерии при имевшихся тогда средствах и принятых методах подготовки не могла быть успешной, имея только некоторое психологическое значение, но по существу являясь довольно бесцельной тратой снарядов, не говоря уже о том, что ночью очень возможно было поражение своих.

В ночь на 26 марта части 35-го корпуса заняли было первую линию германских окопов, но остановились перед неизвестной им второй линией, оказавшейся в 0,5 км за первой.

Атака в ночь на 31 марта частями 3-го Сибирского и 5-го армейского корпусов успеха не имела.

Ввиду наступившей того же 31 марта полной весенней растепели операция затихла.

Объединение управления всей артиллерией группы Балугева в руках генерала Романовского, как упоминалось, было номинальным; в процессе операции артиллерия постепенно выходила из его ведения: 20 марта в распоряжение начальника 10-й пехотной дивизии перешла 3-я артиллерийская группа Велямовича, а 22 марта артиллерия распределилась между 7-й и 10-й дивизиями и 3-м Сибирским корпусом; наконец, 28 марта 2-я и 3-я группы артиллерии 5-го армейского корпуса подчиняются начальнику 10-й дивизии, и в распоряжении инспарта 5-го корпуса остается только 1-я артиллерийская группа Тихоцкого. Что же касается артиллерии 36-го корпуса, то она, как указывалось выше, с самого начала операции была роздана в дивизии. Словом, в группе Балугева не было не только общего управления артиллерией в руках одного старшего артиллерийского начальника, но не было объединения и в корпусах в руках инаркоров. Следует отметить как характерную отрицательную особенность в группе Балугева частую отмену и откладывание со дня на день атак, тогда как артиллерийская подготовка в расчете на атаку велась, по распоряжению общевойсковых начальников, все дни операции с некоторыми небольшими перерывами.

В результате — громадный непроизводительный расход снарядов, причем немцы, пользуясь перерывами, успевали оправиться и восстановить поврежденные при артиллерийской подготовке окопы и заграждения.

Группа генерала Сирелиуса. Группа эта, имея фактически пассивную задачу, не делала даже попыток наступать. Только однажды выслана была разведка, которая проникла за проволочные заграждения, но вскоре была отогнана пулеметным огнем противника с фланга. Но артиллерийская подготовка велась в предположении активных действий ежедневно с 18 марта, причем, по распоряжению общевойскового начальства, делались, чтобы беспокоить противника, «ураганные вспышки» артиллерийского огня два раза днем и один раз ночью, а для атаки войска так и не посылались до конца операции.

Два корпуса группы Сирелиуса, в сущности, нельзя принимать во внимание при расчете сил 2-й армии, назначенной для удара в мартовской операции.

Заключение

Мартовская операция 1916 г., являясь этапом на пути к овладению техникой борьбы за укрепленные полосы, была неудовлетворительно подготовлена и еще хуже выполнена. Русская армия, исключительно плохо руководимая, с недостаточно мощной артиллерией и притом недостаточно обеспеченная боеприпасами, не смогла осуществить прорыв укрепленной позиции германцев, несмотря на большое превосходство в числе бойцов пехоты, и залила поля сражения потоками крови.

Командующий 2-й армией генерал Рагоза, потеряв надежду на успех атак группы Плешкова, стал настойчиво предлагать Эверту новый оперативный план — перенести атаки на участок Сирелиуса в направлении деревень Лотва, Черняты, введя в дело резерв

главкозапа — 15-й армейский и 3-й Кавказский корпуса. Но это предложение не было осуществлено, так как указанный участок признавался неудобным для наступления; к тому же большие потери и лишения, которые начали терпеть войска вследствие крайней трудности подвоза, произвели надлом в настроении командования. Эверт обратил внимание командующих армиями на то, что «с людьми голодными и утомленными до такой степени, что они падают от усталости и засыпают перед проволочными заграждениями... на успех рассчитывать нельзя».

«Примите меры, — предписывал Эверт, — чтобы люди ежедневно были накормлены во что бы то ни стало и перед атакой имели необходимый отдых...»

Безуспешные бои продолжались до конца марта, хотя 2-я армия уже понесла потерь около 78 000 человек. Наконец, 28 марта последовала директива наштаверха Алексеева о прекращении наступления, так как не оставалось надежд искупить это массовое избиение людей какими-либо оперативными успехами.

По окончании операции начальник штаба Западного фронта телеграфировал высшим войсковым начальникам:

«Наступление нашей 2-й армии, начавшееся 5 (18) марта, не увенчалось успехом, расположение противника нам не удалось прорвать.

Между тем для нанесения решительного удара немцам на фронте группы генералов Плешкова и Балуева нами были сосредоточены значительные превосходные силы с могучей артиллерией, причем войска как огнестрельными, так и прочими запасами были обеспечены в мере возможности широко. Дабы дорого стоящий нам опыт послужил хорошим уроком на будущее время, главкозап приказал, для всестороннего изучения этой операции и составления руководящих указаний, спешно просить всех высших начальников, до начальников дивизий и командиров артиллерийских бригад включительно, сообщить их откровенное мнение о причинах неудачи.

При этом желательно преимущественное внимание уделить управлению боем, состоянию войск, артиллерийской подготовке наступления, взаимодействию в разные периоды боя артиллерии и пехоты и отдельных боевых участков между собою, участию резервов в развитии боя и т. д.

Считаю долгом обратить особое Ваше внимание на то, что полезность намеченных указаний будет находиться в полной зависимости от того, насколько окажутся верными положенные в основу их Ваши заключения о происшедших событиях...»

Наиболее интересные и вдумчивые заключения войсковых начальников сводились к следующему:

а) Разноречивость приказаний генерала Плешкова, ежедневно 21, 22, 23 и 24 марта менявшего полосы наступления, приводила к бесполезному мотанию войск, понижавшему их дух, и к потере времени, особенно опасной ввиду наступавшей оттепели.

б) Операция велась с нарушением основных принципов военного дела и с пренебрежением к богатому опыту 20 месяцев войны. План операции не отвечал принципу сосредоточения усилий. Не было мощного тяжелого артиллерийского «кулака» для прорыва укрепленной позиции на избранном участке расположения противника. Тяжелая артиллерия была рассредоточена. В группе Плешкова тяжелая артиллерия была массивована механически — колесом к колесу, рассредоточивая свой огонь на участке значительного протяжения.

Отмечена была нецелесообразность разбрасывания снарядов тяжелой артиллерии по всему фронту вместо концентрирования артиллерийского огня на определенных небольших участках, что привело бы не только к полному разрушению окопов и других сооружений противника, но попутно и к уничтожению проволочных заграждений.

в) Рознь между частями войск, имевшая место издавна в мирное время, ведущая к отсутствию взаимной выручки. Каждый командир корпуса интересовался только своим корпусом, а к другим корпусам, даже к соседним, относился в лучшем случае

безразлично. Все 115 орудий генерала Закутовского подготавливали атаку только 1-го Сибирского корпуса, тогда как по приказу Плешкова атака 1-го Сибирского и 1-го армейского корпусов должна была производиться одновременно, по взаимному соглашению начальников дивизий.

Надлежащей связи и взаимодействия артиллерии, особенно тяжелой, с пехотой не было; на запросы пехоты о помощи артиллерия не всегда, а тяжелая вообще не отзывалась. По заключению генерала Гудима, «пехота была предоставлена самой себе, так как, не подготовив в действительной степени ее атаки, артиллерия вместе с тем во время движения пехоты вперед не оказывала ей надлежащего содействия переносом огня на тыл и фланги атакуемого участка и на те батареи противника, которые мешали продвижению пехоты. Работа артиллерии производила впечатление, как будто она решала свою самостоятельную задачу, независимо от задач пехоты, и не была связана с нею общностью условий, т. е. отсутствовала надлежащая связь между этими родами войск.

Признавая необходимость полковой артиллерии, в 22-й пехотной дивизии назначались всегда в полковые участки одни и те же батареи, почему связь их с командирами полков и стрельба достигали полного совершенства...»

В других частях артиллерийский огонь не всегда сопровождал и поддерживал атаку своей пехоты.

г) Полки 22-й пехотной дивизии попали в ловушку, обстреливаемую артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем с фронта и с флангов. Их следовало отвести назад, а не продвигать вперед. По мнению командира 1-го армейского корпуса, «не лезь вперед, когда не знаешь, что впереди, хотя бы твои соседи атаковали справа и слева; попадая в ловушку, сообрази и быстро отходи назад. Атаку можно повторить, а убитых не воскресить». По убеждению его — человека, неоднократно бывшего под огнем, — так именно следует поступать, т. е. *воевать, а не водить людей на убой*.

Плешков посылает в атаку истекающую кровью 22-ю пехотную дивизию, потерявшую 50% состава, считая ее по-прежнему боеспособной и, придерживаясь буквы устава, что боевые части «не сменяются», а поддерживаются...

д) Плешков приказал начать артиллерийскую подготовку в 8 часов и переходить в атаку не позже 15 часов, тогда как на артиллерийскую подготовку «мало было не только 6, но и 26 часов».

Подготовка атаки шрапнельным огнем, производившаяся некоторыми батареями, была безрезультатной и бесцельной.

е) Артиллерия, особенно тяжелая, располагалась слишком далеко за своей пехотой и от неприятельской артиллерии, которая нередко оказывалась недостижимой и безнаказанно поражала русскую пехоту.

Наблюдение за результатами стрельбы артиллерии оставляло желать лучшего.

Пехота, занявшая окопы противника, поражалась иногда огнем своей артиллерии, хотя с наблюдательных пунктов движение пехоты в большинстве случаев было видно. Например, утром 19 марта тяжелая артиллерия Закутовского выпустила до 50 снарядов по своим пехотным заставам, убив 2 и ранив 19 солдат и контузив 2 офицеров.

ж) Не было надлежащего управления огнем артиллерии. Неудовлетворительность работы частей артиллерии объяснялась не ее недочетами, а недочетами в объединенном ее управлении.

Объединение всей артиллерии в одних руках признано весьма сложным в отношении управления и своевременной помощи пехоте на нужных пунктах. Просьбы пехоты обстрелять те или иные цели запаздывали, проходя несколько инстанций, а за это время выгодные цели исчезали.

По мнению командира 22-й артиллерийской бригады Ивашинцева, разделяемому и другими артиллеристами, управление сосредоточенной многочисленной тяжелой артиллерии в одних руках трудно и нецелесообразно и более правильным было бы выделить ее части в распоряжение корпусов.

В общем, со стороны войсковых начальников на долю артиллерии выпало немало нареканий, во многом справедливых; что же касается мнения самого главкозапа Эверта, то главной причиной мартовской неудачи он считал неудовлетворительность боевых действий артиллерии.

Еще во время операции полевой генинспарт командировал на Западный фронт в группу Плешкова одного из своих адъютантов, полковника Гриппенберга, который в своем докладе нарисовал откровенную жуткую картину хода мартовской операции и объяснил, что причины ее неудачи заложены были глубоко в основных принципах русского высшего командования и что одного этого было достаточно, чтобы без наличия всяких других ошибок обречь всякую операцию на полную неудачу (доклад Гриппенберга использован в настоящем труде).

Затем, по окончании операции, полевой генинспарт, с целью выяснения, насколько были правильны обвинения, возводимые на артиллерию, выехал с начальником Упарта и некоторыми состоящими для поручений сотрудниками в штаб Западного округа, куда были вызваны высшие войсковые и артиллерийские начальники, принимавшие участие в мартовской операции.

В результате произведенного расследования ставкой главковерха, по докладу Упарта, были даны следующие указания по артиллерийской части, добытые тяжким опытом мартовской неудачи:

1. Разработка операции в целом и в деталях, как старшими, так и последующими войсковыми начальниками, должна производиться заблаговременно совместно и в полном единении с соответствующими артиллерийскими начальниками. Только при этом условии возможно: а) исчислить потребность в орудиях и снарядах в соответствии с задачей, соразмерив задачу с наличными средствами; б) поставить задачи артиллерии в соответствии с ее основными свойствами; в) целесообразно использовать огонь артиллерии.

Совершенно недопустимо указывать артиллерии позиции до получения задачи, а затем уже давать ей боевую задачу, разработанную помимо и без ведома артиллерийских начальников (группа Плешкова).

2. Для решения боевой задачи, требующей сосредоточения сильного огня на определенном фронте, батареи и дивизионы могут быть соединены в группы. Состав и сила группы должны отвечать поставленной задаче и удобству управления.

Если количество артиллерии, привлеченной к решению общей задачи, велико, то артиллерию необходимо разбивать на несколько групп, объединенных единой властью. Если артиллерийские группы не могут оказывать взаимной поддержки на общем фронте, то объединение их излишне. Вообще, чем больше группа, тем труднее управление и использование ее для решения частных задач. При организации групп должно, по возможности, избегать дробления батарей и дивизионов.

Необходимо не сосредоточение массы артиллерии на одной позиции, а сосредоточенный на заданном фронте огонь артиллерии, хотя бы и разбросанно расположенной.

В корпусах группы Плешкова состав артиллерийских групп был случайный, не отвечающий задаче и удобству управления, а сведение артиллерии в общую группу при неудачном ее расположении привело к невозможности нанести сильный удар сосредоточенным огнем на главном участке атаки. Объединение пяти артиллерийских групп под общим начальством Закутовского ничем не вызывалось, так как большая часть этих групп взаимно поддерживать друг друга и решать общие задачи не могла.

В группе Балужева артиллерию 36-го корпуса, ввиду того, что активную задачу выполняла только одна дивизия, необходимо было объединить, а не отдавать почти поровну в дивизии. Раздробление тяжелой артиллерии между всеми артиллерийскими группами Балужева не вызывалось необходимостью.

3. Начальник артиллерийской группы подчиняется тому общевойсковому начальнику, для которого решает задачу его группа. Она составляет артиллерию участка этого общевойскового начальника, предназначенную как для решения общей задачи, так и прочих текущих задач, которые ставит бой; эти последние задачи, возникающие главным образом по инициативе начальников нисходящих степеней (артиллерийских и общевойсковых), должны решаться в то время, когда артиллерийские части группы свободны от выполнения поставленной им общей задачи.

Артиллерийская группа должна иметь самую тесную связь: «восходящую» — от начальника артиллерийской группы к общевойсковому начальнику, которому он непосредственно подчинен; «нисходящую», соединяющую атакующие войска с артиллерийской группой, причем средством этой последней непосредственной и наиболее чуткой связи должны быть наблюдательные (основные и передовые) пункты, а также дополнительные передовые артиллерийские пункты, выдвигаемые на занятые при атаке участки неприятельской позиции.

В мартовской операции артиллерийские группы нередко являлись чуждыми атакующим частям и необходимая между ними связь часто отсутствовала. Начальники артиллерийских частей, входивших в состав группы, не обладали инициативой и ожидали приказаний свыше даже в то время, когда были свободны от решения общей задачи. В частности, в группе Закутовского пожелания частей, непосредственно ведущих атаку, не всегда принимались во внимание.

Между артиллерийскими начальниками и пехотными, непосредственно ведущими атаку, не было тесного единения и согласованности действий, как того требовала серьезность задачи. Отсюда вытекала разрозненность действий, распределение времени по часам, а не по достигнутым при подготовке атаки результатам; атака пехоты и артиллерийский огонь не шли рука об руку. Вследствие чрезмерной централизации управления артиллерийских групп пехота иногда, при частных эпизодах боя, или не получала артиллерийской поддержки, или поддержка эта приходила поздно.

В 1-м армейском корпусе пехотные начальники не нашли нужным осведомить артиллерийскую группу Масальского о том, что атака началась, и даже не потрудились узнать, закончена ли подготовка атаки артиллерией.

4. Войсковым начальникам надлежит ставить артиллерии определенные, ясно выраженные задачи.

В задании должно быть указано вполне определенно: а) на каком протяжении и в каком месте следует делать проходы в проволочных заграждениях; б) на каком протяжении и в каком именно месте срыть окопы противника; в) в каком месте и какие постройки его разрушать и т. п.

Как протяжении фронта окопов и заграждений, так и число опорных пунктов и блиндажей, подлежащих разрушению, должно быть строго соображено с силами и средствами артиллерии.

Между тем, обращаясь к заданиям, по которым работала артиллерия во время мартовской операции, должно отметить, что или роль артиллерии в приказах и приказаниях определялась общими фразами, или задача ставилась хотя и определенная, но настолько обширная, что она была не под силу имевшейся артиллерии. Иначе говоря, задачи не были соображены с силами и средствами артиллерии. Задачи не соответствовали часто и свойствам артиллерии: нельзя было в то время требовать подготовки атаки ночью; нельзя легкой пушечной артиллерией разрушать окопы, к тому же промерзшие; артиллерия крупных калибров не должна предназначаться для проделывания проходов в проволоке, так как ее прямая задача — разрушать прочные постройки и укрытия в окопах.

Нельзя нарушать основное требование к артиллерии: наносить мощный удар сосредоточенным огнем; нельзя допускать, как это имело место в мартовской операции,

разрозненные действия артиллерии и разбрасывание снарядов по широкому фронту и в глубину.

Наконец, некоторые задачи не отвечали самым элементарным общим правилам и задавались как бы наперекор здравому смыслу; так, например, приказывали артиллерии: открывать беглый огонь без определенной цели и боевой задачи; выпускать определенное число снарядов, не интересуясь ни целью стрельбы, ни достигнутыми ею разрушениями и прочими результатами; вести артиллерийский огонь, не имея в виду двигать пехоту вперед, и пр.

5. Соответственно полученной задаче необходимо предварительно составить и подробно разработать согласованный план действий атакующих войск и артиллерии.

Для артиллерии указанный план должен предусматривать потребное число орудий и количество снарядов разных калибров и с исчерпывающей полнотой предусматривать все детали предстоящей работы артиллерии: а) в период подготовки атаки, б) в период самой атаки, в) по окончании атаки, в предположении как успешного, так и отрицательного ее исхода.

Составленный план должно проводить настойчиво и систематично.

В мартовской операции род и количество потребных орудий и снарядов были определены «на-глазок».

В группе Плешкова общий план был разработан кое-как и при выполнении менялся — иногда даже дважды в течение одного дня; при таких условиях группировка артиллерии не могла соответственно и своевременно меняться, а отсюда вытекало: приказание обстреливать такой-то участок позиции противника «хотя бы на предельных дистанциях»; использование для главного удара ничтожной части артиллерийских сил и притом с чрезмерно больших дальностей.

В артиллерийской группе Закутовского не было своевременно предусмотрено разрушение фланкирующих участков окопов и блиндажей; ходы сообщения не были заданы к обстрелу; детального распределения огня не давалось, переносы огня назначались расплывчато, как, например, приказывалось: «обстрелять Лапинский лес», площадь которого занимала около 2 кв. км. или «перешеек леса».

В группе Сирелиуса плана действия не было никакого: по часам и приказам с тыла артиллерией выполнялись распоряжения об открытии то ураганного, то одиночного огня, днем и ночью.

6. При составлении плана действий должно руководствоваться результатами всестороннего изучения свойств неприятельской позиции не только в ее ближайших, обращенных к нам участках, но и в глубине.

Для этого необходимы личная разведка, отличное знание местности во всех ее деталях, фотографии позиций с самолета, разведка тыла позиции самолетами и змейковыми аэростатами.

В этом отношении было сделано довольно многое только в группе Балужева; в группах Плешкова и Сирелиуса почти никаких необходимых данных не имелось — в группе Плешкова, например, вторая линия окопов противника лишь «предполагалась».

7. Задача, поставленная артиллерии, должна быть насколько возможно более проста и ясна; тогда только будет легко и удачно выполнена как соответствующая группировка артиллерии, так и самая задача.

Задачи, поставленные приказами по группам Плешкова, Сирелиуса и Балужева, не отвечали указанному требованию.

8. При составлении плана действий артиллерийской группы необходимо учесть следующее: а) при большом числе орудий детальное управление огнем группы крайне затруднительно и бывает даже невозможно; поэтому задачи батареям и дивизионам группы должны быть просты и немногочисленны, а границы участков поражения должны быть ясно указаны — лучше всего показом на местности; б) при большом числе дивизионов и батарей должны быть приняты меры, чтобы они не мешали друг другу при

стрельбе на поражение; поэтому следует назначать батареям и дивизионам хотя бы узкие, но самостоятельные участки, избегая накладывания огня нескольких батарей (дивизионов) на один район; в) артиллерийская группа требует значительного времени на рекогносцировку, на расстановку батарей, организацию связи, на распределение целей, поэтому излишняя торопливость ведет к непроизводительному расходу снарядов и невозможности использовать боевую силу огня полностью, поэтому же нельзя часто менять задачи артиллерии и ожидать от нее немедленного исполнения поставленной задачи.

Между тем артиллерийская группа Закутовского, при предварительной подготовке атаки, имела в виду сложные задачи, многочисленные переносы огня, накладывание огня нескольких дивизионов или батарей на один и тот же участок. Пристрелка 237 целей в течение трех дней ясно указала район намеченного удара в расположении противника; при этом задачи группе изменялись, не считаясь с временем.

Заблаговременная пристрелка большого числа целей не всегда необходима, в особенности в тех случаях, когда цели только предположительны.

В указанном случае предварительная пристрелка являлась излишней, так как требовалась точная стрельба на разрушение, а заблаговременно пристрелянные при тогдашних методах и средствах данные ввиду изменений в атмосфере для получения точных данных все равно следовало проверить, т. е. нужно было вновь пристреляться.

Вообще, при заблаговременной пристрелке, не имело смысла добиваться получения точных данных и необходимо было так вести пристрелку, чтобы не обнаружить противнику фронта главной атаки.

При невозможности выполнить указанное требование, пристрелку следовало начинать непосредственно перед артиллерийской подготовкой; для сокращения времени на пристрелку число целей должно быть ограничено только строгой необходимостью.

9. Артиллерийская группа, по окончании поставленной ей задачи, по мере захвата позиций противника и продвижения пехоты вперед, должна выделять и передавать войскам необходимую им для непосредственной поддержки артиллерию. Порядок расчленения группы должен быть, по возможности, предусмотрен.

Разумеется, возникающая в процессе операции новая задача, требующая сосредоточенного удара огня артиллерии, может вызвать образование новой артиллерийской группы.

В группе Балуева делались распоряжения о расчленении артиллерийских групп, но исполнение распоряжений несколько запаздывало.

10. Ни подготовка, ни поддержка атаки артиллерийским огнем ночью не может быть допущена.

Ночная стрельба (огонь всегда редкий, носящий случайный характер, неравномерный) может иметь задачи: а) мешать работам по восстановлению того, что было разрушено дневной стрельбой; б) беспокоить противника в особенно важных участках его позиции, где выяснено или предполагается большое скопление людей; в) обстреливать населенные пункты, держать противника под постоянным страхом хотя бы случайного поражения.

Эти указания не были соблюдены во всех трех группах — Балуева, Плешкова и Сирелиуса; стрельба велась каждую ночь, нередко наугад, с напрасной тратой снарядов.

11. Расписание стрельб по часам или выпускание снарядов каждой батареей через определенные промежутки времени без ясно поставленной цели — преступная трата снарядов.

Между тем и это указание было нарушено во всех трех группах.

12. Нельзя назначать по часам продолжительность подготовки атаки или точное время начала атаки: необходимо только указать, что именно нужно сделать артиллерии. Как исполнить заданное — это уже дело артиллеристов.

Артиллерия должна всемерно стремиться выполнить поставленную ей задачу возможно скорее, но связывать артиллерию точным, часто коротким сроком нельзя.

Пехота должна начинать атаку укрепленной позиции лишь тогда, когда будет закончена артиллерийская подготовка атаки.

Все указанное относится ко всем группам, участвовавшим в операции.

13. Артиллерийский огонь следует вести методичный, с наблюдением при каждом выстреле не только перелетов и недолетов, но и производимого разрушения.

Термин «ураганный огонь» следует совсем вывести из обихода; ни «ураганного», ни «барабанного» огня вести не должны, — впечатление урагана должно получаться только у противника, по которому бьет достаточное число батарей.

Только в отдельных случаях появления открытых скоропроходящих целей допустим «беглый огонь» и то не массы артиллерии, а отдельных батарей.

Для морального воздействия на противника нужен не «ураганный» огонь многочисленной артиллерии, а планомерное и тщательно подготовленное совместное ее действие, при котором только и возможно достигнуть: разрушения преград, поражения живых целей в непрерывного, назойливого треска разрывов, покрывающего весь участок атаки.

Все группы, участвовавшие в мартовской операции, не соблюдали приведенных указаний.

14. Каждый артиллерийский выстрел должен преследовать определенную цель, вытекающую из общей задачи: не следует стрелять потому только, что стреляет противник.

На фронте Сирелиуса 18 и 19 марта немцы не отвечали его артиллерии почти ни одним выстрелом. Это пример, достойный подражания.

15. О силе артиллерийского огня нельзя судить по звуку выстрелов: нужно считаться с результатами огня.

Между тем начальники дивизий и командиры полков часто говорили, что артиллерийский огонь «слаб», и задерживали из-за этого начало атаки, тогда как результаты артиллерийской подготовки бывали в то время достаточно удовлетворительными.

16. Огонь артиллерии и движение пехоты должны идти рука об руку: движение в атаку должно идти под прикрытием огня артиллерии, причем огонь легкой артиллерии должен сопровождать пехоту до последней возможности, при безусловно организованном со стороны артиллерии наблюдении; огонь тяжелой артиллерии, при стрельбе гранатами, переносят с атакуемого участка, когда атакующая пехота примерно в 400 шагах от окопов противника.

Этот издавна установившийся в русской артиллерии принцип был нарушен почти всеми во всех трех группах.

В боях мартовской операции конец подготовки и начало атаки часто не совпадали: имели место перерывы продолжительностью до трех часов, в течение которых противник успевал оправиться морально и подвести резервы, а иногда частью восстановить разрушенное.

17. Для пробития проходов в проволочных заграждениях должна применяться 76-мм пушка при условии удаления, по возможности, не более 2 км и пристрелки каждого орудия отдельно. В указанных условиях, при наблюдении участка разрушаемой проволоки с расстояния не более 1/2 км, одна легкая батарея в час может сделать проход около 40 м шириной в проволочной полосе в шесть рядов кольев. Расход гранат при этом составит 20–50 штук на погонную сажень (около 2 м) фронта проволоки. Батареи предпочтительно ставить так, чтобы они фланкировали проволочные заграждения. Расходовать для этой цели тяжелые снаряды, особенно 152-мм, совершенно непрактично: эти снаряды нужно расходовать на разрушение прочных блиндажей и укрытий.

В начале операции во всех группах 76-мм артиллерия для разрушения проволоки привлечена не была. Вместо нее неправильно была использована артиллерия крупных калибров, в результате чего окопы, укрытия и особенно фланкирующие построики остались почти везде неразрушенными, проходов же в проволоке сделано было недостаточно.

18. Невыгодно намечать сплошные участки разрушения проволоки и окопов. Устройство одного прохода, хотя и широкого, подводит под пулеметы и тяжкие потери; ряд устроенных проходов, хотя бы более узких, облегчает атаку, уменьшая жертвы.

19. Питание снарядами организовано было совершенно неудовлетворительно. Не были устроены в достаточном количестве промежуточные склады. Запасов, завезенных на склады, было недостаточно для ведения операции, а пополнение запасов запаздывало.

Для операции штабом Западного фронта были обещаны снаряды по расчету на 10 дней, считая на легкое орудие по 200 патронов, на 122-мм гаубицу — 100 выстрелов, на 152-мм и на 107-мм — по 50 выстрелов. Казалось бы, что эти снаряды должны быть в полном распоряжении каждой войсковой группы, причем они должны быть предварительно завезены на ближайшие склады в таком количестве, чтобы командование группой могло их расходовать не по дневному расчету, а по потребности боя.

Снаряды подавались малыми пачками, достаточными, чтобы поддерживать огонь, но недостаточными для решения задач. Такой порядок приводил в общем к большому расходу снарядов без возможности достигнуть успеха. Своевременно доставленные в необходимом количестве снаряды позволили бы нанести внезапный мощный огневой удар, обеспечивающий успех и сравнительно при меньшем общем расходе боеприпасов.

При достаточных запасах в ближайшем тылу возможно было бы регулировать по потребности расход гранат и шрапнелей.

20. На разрушение фланкирующих участков не было обращено должного внимания, и атаки 18 марта при слабом артиллерийском огне со стороны немцев были отбиты преимущественно фланкирующим пулеметным и ружейным огнем. При этом в некоторых случаях неудачно были избраны для атаки входящие, сильно обстреливаемые с флангов, участки.

21. Атака иногда не нацеливалась на места прорывов, сделанных артиллерией, а пехота не всегда следила за работой артиллерии. В результате атакующая пехота нарывалась на целые проволочные заграждения и несла большие потери. В таких случаях следовали обычно обвинения артиллерии в небрежной или недостаточной подготовке атаки огнем, вместо того чтобы обратить внимание на необходимость тщательной организации наблюдения и связи, а также на необходимость обучения пехоты наблюдению за артиллерийским огнем.

22. Двигались атакующие части медленно, с частыми остановками. Поэтому атакующая пехота несла большие потери, не имея возможности окопаться при мерзлом грунте, еще не оттаявшем во время операции; артиллерия же, принужденная в течение многих часов сопровождать и прикрывать огнем свою пехоту, тратила множество снарядов.

При движении атакующих частей шаблон неприменим, но при порывистом движении вперед потери будут гораздо меньше и не будет громадного расхода артиллерийских снарядов.

Кроме того, во время операции просьбы о поддержке артиллерийским огнем начинающейся атаки часто бывали преждевременными: несмотря на сообщение, что «атака началась», пехота еще долго оставалась на месте, а артиллерия, прикрывая предполагаемую, но запоздавшую атаку, тратила бесцельно массу снарядов.

23. План действий артиллерии не был достаточно разработан, а в некоторых случаях не был вовсе разработан. Цели для переноса огня не всегда были распределены детально и пристреляны заблаговременно, ходы сообщения и пути перехода резервов противника не были выяснены, распределены и пристреляны. Указанные упущения

произошли оттого отчасти, что аэрофотоснимки неприятельских позиций не были своевременно доставлены и в полной мере использованы.

24. Высшее артиллерийское командование в корпусах, армиях и на фронтах не должно ограничиваться коммандными словесными объяснениями, отрывающими командный состав артиллерии от работы в наиболее горячее время, и ознакомлением с положением дела только по разрисованным отчетным карточкам. Оно должно фактическим контролем, работой на наблюдательных пунктах проверять исполнение приказов начальниками младших степеней, указывать на месте ошибки и на месте же давать указания, как их исправлять.

Результаты совещаний артиллерийских начальников и выработанные планы действий артиллерии следует сообщать начальникам дивизий и командирам полков, назначенным для непосредственного участия в атаке. Не следует связывать непосредственных исполнителей, если их действия не идут вразрез с общим планом.

25. Необходимо на ночь организовать специальную стрельбу пехоты и выставлять пулеметные батареи для обороны сделанных проходов и разрушений, чтобы не допустить исправления повреждений. Нельзя всю ночную стрельбу возлагать только на артиллерию.

В мартовскую операцию редкий артиллерийский огонь по ночам для обороны проделанных проходов и разрушений оказался недостаточным, чтобы прекратить работы. Например, все проходы, сделанные русской артиллерией 18 марта, немцы успели к 20 марта завалить рогатками.

26. Не следует расходовать шрапнели, если нет живых целей; в период разрушения окопов и проволоки для шрапнели почти нет целей.

Между тем при атаках 18 и 22 марта в одном только 5-м корпусе выпущено было около 27 400 шрапнелей к 76-мм пушкам и до 2 500 шрапнелей более крупных калибров. На это сразу было обращено внимание, и на артиллерийскую подготовку 20 марта расход шрапнелей в том же 5-м корпусе, при удачной атаке, оказался всего около 3200 для 76-мм пушек и около 300 для орудий прочих калибров. Атака 18 марта стоила 65500 снарядов.

27. По опыту мартовской операции, оказалось необходимым увеличить число гранат к 76-мм и 107-мм пушкам до 50% боевого комплекта, к 122-мм гаубицам — до 75%, к 152-мм гаубицам — до 90%, чтобы в борьбе за укрепленные позиции не испытывать недостатка в снарядах для разрушения.

28. Опыт мартовской операции показал, что в большинстве случаев как русская, так и неприятельская артиллерия были неуязвимы.

Поэтому «приказать» уничтожить артиллерию не значит еще избавить себя от ее огня, и нельзя обольщать себя и пехоту надеждой, что огонь артиллерии будет совершенно погашен. Поэтому еще в период предварительной подготовки операции необходимо изыскивать средства, позволяющие сделать этот огонь менее действительным

29. Мартовские бои подтвердили необходимость передачи средств воздушной разведки в руки артиллерии с временным подчинением летчиков артиллерийским начальникам.

30. В общем артиллерии в период мартовской операции назначали фронт обстрела и разрушения, ни с чем не сообразуясь. При постановке задач артиллерии как общевойсковые, так и артиллерийские начальники по большей части не производили расчетов, которые давали бы уверенность, что задача отвечает силам той артиллерии, которой она задана, не подсчитывали (исходя из при мерного числа снарядов, требующихся, по грубому хотя бы подсчету, для выполнения задачи), может ли артиллерия исполнить задачу в заданный срок и пр.

В результате — при неуспехе перекладывание вины на артиллерию, не оправдавшую будто бы возлагавшихся на нее надежд. Так, например, на третий день боя, 21 марта, главкозап Эверт телеграфировал наштаверху Алексееву: «...Судя по тому, с каким трудом войска овладевают даже передовыми окопами, приходится прийти к убеждению, что результаты артиллерийской подготовки весьма недостаточны; артиллерия

стреляет слабо, руководство ее огнем поставлено нехорошо, и снаряды затрачиваются непроизводительно». Между тем, в данном случае и во всех других случаях вина за неудачу мартовской операции падала на тех начальников, не исключая некоторых артиллерийских, которые не сумели использовать боевую силу артиллерии, забывая и опыт подготовки мирного времени и опыт войны.

Причин, породивших мартовскую неудачу, было множество. Механически связанные между собою, каждая из них порождала новые, и таким образом создавалась та совокупность условий, при которых успех операции стал невозможным. Точно так же не было одного какого-нибудь виновника среди руководителей операции — грешили все и грешили во всех областях. Безупречна была лишь та живая масса, имя которой — войска.

План операции, задуманный русской ставкой, не вызывал возражений. Но в проработке и исполнении плана были такие дефекты, которые должны были опрокинуть самый лучший план.

Всесторонне и широко обдуманная, тщательная подготовка операции отсутствовала. Операция разрабатывалась штабом Западного фронта, который не считался ни с условиями местности, ни с временем года, ни с состоянием своего тыла и снабжения, ни с состоянием укрепленной позиции противника, ни с артиллерийскими и прочими техническими средствами, необходимыми для прорыва такой позиции. Почти двойное превосходство в силах и наличие против 2-й русской армии, назначенной для главного удара, только 5 полевых германских дивизий и поддерживающих полевые 2 ландверных, 2 резервных и 4 кавалерийских дивизий создало среди русского командования предвзятое настроение, быстро просочившееся сверху вниз, о слабости противника. По докладу полковому инспарту одного из участников мартовской операции, командированного Упартом, «о встрече упорного сопротивления как-то не думалось. Вильно чуть ли не у всех на устах».

У одного из старших начальников срывается фраза: «Эх, я бы попробовал без всякой подготовки». Такая предвзятость, равносильная почти пренебрежению к противнику, привела к тому, что при выборе участков неприятельской позиции для нанесения удара руководствовались соображениями о том, как бы отхватить побольше кусок. Думали главным образом о размерах добычи, а соображения о том, что тот или другой участок значительно выгоднее в тактическом отношении, что войска его лучше знают, а указанный для атаки им не известен, отбрасывались.

При подготовке операции воздушной разведке придавалось мало значения. В целях маскировки войскам было даже запрещено вести свою разведку, а потому предварительная пехотная разведка почти отсутствовала. Так, был случай, что накануне боя на один из передовых артиллерийских наблюдательных пунктов явилась группа пехотных офицеров «посмотреть, где они будут завтра атаковать».

На предварительную артиллерийскую разведку и на подготовку операции в узко специальном, артиллерийском отношении (выбор позиций и наблюдательных пунктов, организация наблюдения и связи, пристрелка целей) было обращено должное внимание. Но командование не замечало ряда ошибок, совершаемых артиллеристами в общетактическом отношении.

Еще до начала операции организация в корне нарушается, начинается недопустимая в военном деле импровизация, порождающая в процессе операции дальнейшие импровизации, нарушающие основы всего того, что подготавливает успех и без чего даже случайный успех превращается в неудачу.

Организованная 2-я армия раздробляется на три случайные сборные группы, без органов управления, связи, разведки, тыла. На командиров корпусов, ставших случайными начальниками сборных групп, наваливается масса посторонних забот и затруднений, мешающих их прямой работе. В результате, они не смогли сколько-нибудь планомерно и целесообразно руководить операциями подчиненных им групп.

Сборные группы, не будучи самостоятельными организованными единицами, в процессе операции начинают, в свою очередь, дробиться на более мелкие части. Артиллерия распределяется не строго в соответствии с поставленными ей задачами и с ее организацией, а нередко по соображениям случайного характера; причем против одного участка неприятельской позиции, иногда второстепенного, бывала перегрузка артиллерии, а против соседнего, который впоследствии делался главным, артиллерии было очень мало.

Главкозап — главный руководитель операции, командующий армией, командующие группами — все находились в нескольких часах пути от войск. Все управление шло по телефону, несмотря на существовавшее недоверие к тому, что передается по телефону. Живой связи между войсками и командованием не было: металлические провода убили ее, голос войск редко достигал верхов. Отдавались стильные приказы, суровые замечания, строгие выговоры — нередко те и другие вне времени и пространства, иногда вне и даже наперекор сложившейся обстановке. Но общения с войсками, контроля над ними, управления боем со стороны высшего командования, по существу, не было.

Основной недочет в области исполнения операции ставка главковерха правильно усматривала в том, что «без особой подготовки пытались прорвать укрепления противника методами полевого боя, не производя даже необходимого сближения, подхода к укрепленной линии противника».

Днем 18 марта русские войска рванулись в бой, не дождавшись результатов артиллерийской подготовки. Кое-чего они достигли, но вскоре были остановлены фланкирующим пулеметным огнем и сосредоточенным огнем неприятельской артиллерии. Из атаковавших мало кто дополз обратно.

Неудачная атака объяснялась недостатком артиллерийской подготовки, но для высшего командования было, по-видимому, неясно, в чем состоит задача такой подготовки. Ясно было только то, что артиллерия должна разбить проволочные заграждения и разрушить первую линию окопов противника. Но что такое «тыл» противника, который задавался для обстрела артиллерии, где он начинается и в чем заключается, где его важнейшие места — все это не было выяснено. А потому такие задачи, которые ставились русской артиллерии, как: «разрушить ночью многочисленные опорные пункты в тылу и по сторонам атакованного участка» — и многие другие, им подобные, выполнить она не могла. Не могла также артиллерия разрушить леса, прикрывающие во многих местах с флангов оборонительную линию противника. Не могла русская артиллерия заставить молчать артиллерию противника, которую она не видела.

Но высшее русское командование проявило большую твердость и настойчивость в решении добиться успеха, не считаясь ни с чем.

Артиллерийская подготовка повторяется неоднократно. Пушки гремят день и ночь; после канонады атаки повторяются, пехота бросается в образуемые фланкирующими участками «мешки», уже устланные трупами; покрываемая перекрестным огнем, она несет большие потери и к вечеру отходит, сильно поредевшая в своих рядах.

Наконец, вмешалась весна. Местность превратилась почти в сплошное озеро, дороги покрылись водой на 0,5–1,5 м и стали непроходимыми. Дальнейшее продолжение операции грозило катастрофой. После долгих настойчивых телеграмм и телефонных переговоров войскам, наконец, поверили, что они тонут. Получен был приказ вывести войска на сухие места. Наступление, влекущее за собой бессмысленные, бесцельные жертвы, прекратилось. Надежды на русское «авось» и на то, что русские «чудо-богатыри» все перенесут, не оправдались.

Людендорф в своих «Воспоминаниях» дает мартовской операции такую оценку: «21 марта русские одержали в озерной теснине успех, который для нас был очень болезненным... западнее Постав их атака была лишь с трудом отражена. Земля размякла, в

болотистых местах вода образовала пруды, а дороги стали буквально бездонными. Подкрепления, спешно подвозимые... нами, шлепали в болоте, с трудом подвигаясь вперед от железной дороги Вильно, Двинска... Но русские, которым приходилось продвигаться по еще менее благоприятной местности, чем та, которая находилась позади наших позиций, сами выдохлись».

Людендорф сознается, что положение германцев во время русских атак на нарочском направлении было критическое и немцы отражали их с трудом. Русские войска имели успех лишь местного характера; в общем же их постигла тяжелая неудача. Наступление приказано было приостановить, не использовав всех собранных резервов, ввиду наступившей распутицы, совершенно прекратившей возможность передвижения.

Трудно было ожидать от наступления в марте в районе озер осуществления надежд русского командования на выполнение широких замыслов оттеснения германцев за пределы России. Но причина мартовской неудачи кроется не только в том, что весенняя распутица препятствовала успеху, а и в том, что наступление велось разрозненно, отдельными корпусами, без общей связи друг с другом, без руководства со стороны армейского командования. В то время, когда один корпус атаковал, другой подготавливал атаку артиллерийским огнем или закреплялся. При подобном способе ведения операции наступление, как и следовало ожидать, не привело к успеху, несмотря на большое упорство русских войск в бою.

Результаты мартовской операции свелись к следующему.

Мартовская операция была помощью французам. На французском фронте у Вердена с 22 по 30 марта прекратились германские атаки, что как раз совпадает со временем русского наступления на нарочском направлении.

Немцы ошиблись в ожидаемом ими ослаблении боеспособности русской армии и не решились уменьшить свои войска на русском фронте, чтобы часть их перебросить на французский фронт. Напротив, немцы увидели всю рискованность своего положения на столь важном направлении, как ковенское, и вынуждены были в дальнейшем усилить здесь свои войска, перетянув сюда свои части с австро-венгерского фронта.

Мартовская неудача не могла не оказать отрицательного влияния на моральную сторону русского командования.

В общем, мартовская операция 1916 г. развилась исключительно на пользу французов и отчасти германцев.

Но кто же виноват в кровавой мартовской неудаче? Повторяем — все, и чем выше, тем больше. Высшим русским командованием были нарушены и основы военного искусства и многие даже элементарные правила тактики. Меньше всех были виноваты войска.

Вот пример из мартовской операции — один из многих, ему подобных, который ответит на поставленный вопрос. По телеграфу передается войскам категорический приказ: «Укрепиться, окопаться на захваченных участках и удержаться во что бы то ни стало». А войска стоят под огнем по колена в воде и, чтобы хоть немного передохнуть, складывают трупы немцев и на них садятся, так как окопы полны воды. К вечеру войска начинают промерзать; вдобавок ко всему к ним заползают раненые, изуродованные, не перевязанные, страдающие, стонущие — эвакуация раненых была плохо организована, о них мало заботились.

И все это не один-два дня, а в течение всех 10 дней операции!

Нужны были поистине исключительные качества русского солдата, чтобы, несмотря на такие небывало тяжелые условия, продолжать бой.